

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**МАРКС В ЭРУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, КАПИТАЛ И КЛАССЫ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ СЕМИНАРОВ**

**26-27 октября 2018 года
Кембридж**

**Санкт-Петербург
2018 г.**

Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы.
Высокотехнологическое производство и современный капитализм.
Материалы международных научных семинаров. Кембридж, 26-27 октября
2018 года / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 107 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 25.12.2018.
Тираж 1000 экз. 107 с.
Заказ № 2600453

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

Институт нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте
(Санкт-Петербург, Россия)
Вольное экономическое общество России
(Москва, Россия)
Международный Союз экономистов
(Москва, Россия)
Кембриджский Центрально-Азиатский Форум
(Кембридж, Великобритания)
Колледж Иисуса Кембриджского университета
(Кембридж, Великобритания)

**МАРКС В ЭРУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, КАПИТАЛ И КЛАССЫ**

**ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ СЕМИНАРОВ

26-27 октября 2018 года
Кембридж

Санкт-Петербург
2018 г.

Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы. Высокотехнологическое производство и современный капитализм. Материалы международных научных семинаров. Кембридж, 26-27 октября 2018 года / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. – 107 с.

ISBN 978-5-00020-055-1

ISBN 978-5-00020-055-1

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2018

Лэйн Д. “Пост-капитализм” как новая экономическая система: критика // Вопросы политической экономии, № 3, 2016.

Маркс К., Капитал. Т.I // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. Т. 23.

Ольсевич Ю.Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 1, 2008. С. 3-15.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.

Фриман А. Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии, № 4, 2016.

Aistletner M., Kapeller J., Steinerberger S., The Power of Scientometrics and the Development of Economics // ICAE Working Paper Series, 46, March 2016.

DCMS Creative Industries Economic Estimates. L.: DCMS, 2011.

DCMS Sectors Economic Estimates 2017: Employment and Trade L.: DCMS, 2017.

Glötzl F., and Aigner E., Six Dimensions of Concentration in Economics: Scientometric Evidence from a Large-Scale Data Set. // Ecological Economic Papers, 15. WU Vienna University of Economics and Business, Vienna, 2017.

Maguire E.A., Gadian D.G., Johnsrude I.S., Good C.D., Ashburner J., Frackowiak R.S., Frith C.D. Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2000.

OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017 The Digital Transformation / OECD, 2017.

Американская ассоциация содействия науке. URL: <https://www.aaas.org/news/increasing-use-autonomous-systems-could-threaten-jobs>.

Это предопределяет ограниченность возможностей креативной производственной деятельности в изменении “лица” экономической науки, в смещении с теоретического олимпа современных направлений мейнстрима, хотя развитие отдельных школ (в частности, в рамках институционализма, обновленной политической экономии) в связи с этим неизбежно. В то же время, если такой прогноз и реализуется, нынешний мейнстрим это никак не обезопасит от возможных “атак” других объективно (технологически) обусловленных явлений, в том числе рожденных наступающей Четвертой промышленной революцией.

Впрочем, развитие мировой экономической системы и теории остается сложным и труднопредсказуемым. Возможно отдельные составляющие факторы креативного труда, не кажущиеся по отдельности достаточными для резких перемен, в итоге сложатся в такую комбинацию, которая ознаменует собой наступление новых времен.

Литература

Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества // URL:<http://marxistphilosophy.org/SovPhil/Batishchev97.html>

Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016

Бузгалин А.В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования, № 8, 2017 .с.20-31

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т.2 Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы (“Капитал” re-loaded). – Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912с.

Джабборов Д.Б. Трансформация отношений товарного производства под влиянием креативного труда / Канд. дисс. на соискание ученой степени кандидата наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2017.

Содержание

	Стр.
1. Введение.....	4
2. С.Д. Бодрунов. Новое качество материального производства: прогноз Маркса и капиталистические реалии двадцать первого века.....	5
3. А.В. Бузгалин. Капитал в XXI веке: закон накопления.....	13
4. Борис Гувен. Продуктивное государство, технологические изменения и теория социальных структур накопления: на пути к новой интерпретации.....	30
5. Дэвид М. Коц. Маркс 200 лет спустя: потенциал для анализа проблем XXI века.....	57
6. Дэвид Лейбман. Многоуровневая демократическая итеративная координация как альтернативная модель социалистической экономики.....	64
7. Г.А. Маслов. Креативный труд и Четвертая промышленная революция: случай профессии экономиста?.....	93

Введение

26 и 27 октября в Кембридже состоялись международные научные семинары, организованные Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Вольным экономическим обществом России (ВЭО России) и Международным Союзом экономистов, совместно с Кембриджским Центрально-Азиатским Форумом и Колледжем Иисуса Кембриджского университета – «Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы» и «Высокотехнологическое производство и современный капитализм».

Российскую делегацию возглавил директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества (ВЭО) России, президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор Сергей Бодрунов. В состав делегации вошли и выступили с докладами д.э.н., заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Александр Бузгалин, д.э.н., профессор Санкт-Петербургского экономического университета Елена Ткаченко, исполнительный директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, к.э.н. Александр Золотарёв, ведущий научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте Глеб Маслов и другие.

Семинары стали значимым событием и привлекли большое внимание международной научной общественности. В них приняло участие более 80 исследователей – представителей научных школ различных стран – Великобритании, России, Канады, США, Китая, Нидерландов, Индии, Казахстана, Южной Кореи и др. – в том числе ведущие профессора Кембриджского университета П. Нолан и Д. Лейн, профессор Университета Манитобы Радика Десаи (Канада), профессор Университета Масс Дэвид Котц (США), профессор Университета Нью-Йорка Дэвид Лейбман (США) и многие другие известные учёные.

Открыли семинары профессор Кембриджского университета, председатель Кембриджского Центрально-Азиатского Форума Сидхарт Саксена и директор ИНИР им. С.Ю. Витте Сергей Бодрунов. В широкой дискуссии по теме семинара приняли участие учёные и специалисты, представляющие научные организации, аналитические и исследовательские центры разных стран мира.

А.А. Золотарев, исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте, к.э.н.

Потенциал влияния фактора креативного труда на экономическую теорию: основные выводы

Информация, человеческий потенциал есть и будут ключевыми факторами производства, начиная с конца XX-го века и в последующие времена. Экономическая теория вследствие этого проявляет повышенное внимание к особенностям человеческого поведения, общественных отношений внутри различных институтов, предлагает новые системы организации труда, стимулирования работников и т.д. С развитием естественных наук о человеке перспективными и актуальными становятся междисциплинарные исследования со значительной естественнонаучной составляющей [8]. Эти направления, особенно нейробиология, способны кардинально продвинуть экономику и в области исследования творческого труда, в частности, развить методологию в интерпретации самого термина.

Однако новые технологические условия, создавая своим существованием новые вызовы для теории, как представляется, все же недостаточны по степени влияния для слома главенствующих теоретических парадигм. Современный труд, основанный на знаниях, требует более высокой квалификации. Но он сохраняет основные черты менее интеллектуальноемкого труда прошлой эпохи, состоящие в выполнении стандартизированных операций в рамках своей специализации. Тем самым, остается основа и прежнего взаимоотношения экономических агентов, хотя в отдельных областях, локально, и создаются иные формы взаимодействия.

Творческий труд, который, как подчеркнуто выше, не является синонимом высококвалифицированного и интеллектуального труда, потенциально способен породить базис для других производственных отношений. Однако, во-первых, творческий элемент выглядит преувеличенным в рамках современных методологий его оценки и, во-вторых, он имеет пределы своего расширения, хотя в настоящее время тенденция еще остается устойчиво возрастающей, и это оказывает свое влияние на экономику и науку, ее исследующую.

талантливым, трудолюбивым и целеустремленным в конечном счете занять не столь многочисленные позиции в творческих профессиях³. При этом творчество никоим образом не может быть закрыто для остального населения, оно лишь не будет непосредственно связано с профессией.

Технологическое развитие способно удовлетворить большой объем потребностей, экономя рабочее время, но в то же время технологии вызывают риск сокращения рабочих мест. По прогнозу Американской ассоциации содействия развитию науки [17], в ближайшие десятилетия роботизация способна привести к скачку структурной безработицы, и есть вероятность появления социальной поляризации: кто-то будет получать огромные доходы на высококвалифицированных должностях, а кто-то застрянет в ловушке безработицы. Ответить на этот вызов общество может не отраслевым перетоком работников, а сокращением объема рабочего времени. Тем самым не произойдет дисбаланса между предложением труда и общественными потребностями, население получит больше свободного времени для приятной деятельности⁴. Кроме того, ориентация на увеличение времени отдыха вместо дополнительного производства поспособствует решению актуальных экологических проблем. Экономическая система, таким образом, выйдя на новый уровень производительности, может принципиально не изменить законов своего функционирования.

Принимая во внимание фактор ограниченности спроса на креативные блага, можно сделать вывод и об ограниченности их потенциального предложения. Кроме того, не стоит забывать, что креативный труд требует своей “рутинной” поддержки. Следовательно, тенденция к росту творческой деятельности, наблюдаемая в последнее время, имеет свои пределы, что “удержит” глобальную экономическую систему от революции в своем функционировании.

³ Образование в качестве средства развития человеческих качеств как самоцели (а не только ради нужд производства), безусловно, тоже имеет абсолютную ценность, но в данном случае делается акцент на другом.

⁴ В том числе и творческой. Но творчество, как и другая созидательная деятельность вне рабочего времени, не входит в предмет исследования экономической науки современного вида, так как это лежит вне пределов рынка.

С.Д. Бодронов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного
экономического общества (ВЭО) России,
Президент Международного Союза экономистов,
д.э.н., профессор

Новое качество материального производства:
прогноз Маркса и капиталистические реалии
двадцать первого века

Уважаемые коллеги!

Делать доклад о наследии Маркса в Англии – стране, где этот мыслитель написал свои важнейшие произведения – это всегда большой вызов. Тем более, когда это доклад на семинаре, проходящем в одном из старейших университетов мира и в год 200-летия со дня рождения этого великого ученого. Но у меня есть немалые основания для выступления с таким докладом. И это не только сотни ранее опубликованных научных работ и многочисленные исследования российских ученых, багаж российской науки, которую мы здесь с коллегами скромно представляем. А это багаж весомый, особенно в области марксизма, хотя он и не слишком хорошо знаком многим западным коллегам.

Начать мне хотелось бы с того, что и спустя четверть века после краха «реального социализма» в мировой интеллектуальной среде Маркс остается одним из наиболее известных, часто цитируемых, и – критикуемых, и – возвеличиваемых мыслителей человечества.

200-летие Маркса, отмечаемое в этом году, вызвало широкий резонанс в самых разных странах мира – от Германии до Китая. В России МГУ имени Ломоносова и Вольное экономическое общество России провели Международный форум, собравший более 800 участников со всех континентов. И слова ректора МГУ, академика Садовниченко о том, что марксизм не имеет монополии на истину, но не изучать и не преподавать его нельзя, прозвучавшие при открытии этого высокого собрания, были, отмечу, для иных важных персон, сидевших в президиуме, не малой неожиданностью.

Но у этой медали есть и другая сторона. Мало какая из фигур интеллектуального пространства вызывает столь жесткую и нелюбимую критику, а в ряде случаев – отторжение, как Маркс.

Причины этого известны.

С одной стороны, практики, связываемые с именем Маркса, как бы доказали свою тупиковость и опасность.

С другой – теоретические работы Маркса в области философии, экономической и социальной теории, политологии прямо связаны с идеологемами и рекомендациями, которые экономический, политический и интеллектуальный истеблишмент сегодняшнего мира не приемлет.

Почему же тогда марксизм жив вот уже полтора столетия?

Ответ, на мой взгляд, лежит в специфике как общественных практик, так и культурных трендов новейшей истории и современности. Как образно сказал об этом один из моих американских коллег, «марксизм жив, потому что жив капитализм». Если же от образов перейти к теории, то следует прежде всего обратиться к материальной стороне проблемы. И здесь мы можем зафиксировать ряд положений, которые многие встречают возгласом: «Да это же общеизвестно!», но крайне редко эту «общеизвестность» воспроизводят сами и еще реже используют ее как методолого-теоретическое основание для научно-практической деятельности.

Я выделю только несколько наиболее значимых положений марксизма (подчеркну – марксизма, а не только самого Маркса, ибо рожденное его гением направление за последние полтора столетия немало дополнило Маркса, в том числе в моей стране), которые можно использовать для исследования противоречий феномена, получившего в последнее время имя «Четвертая технологическая революция».

Первое. Марксизм (отчасти) и классический институционализм, в первую очередь, Джон Кеннет Гэлбрейт (в определяющей степени), выделили ряд существенных закономерностей в развитии технологий и материального производства. Если говорить о Марксе, то он, обосновав более 150 лет назад закономерную эволюцию индустриального

В физике доказанное знание не вызывает дискуссий по поводу своей верности (в данном случае абстрагируемся от редко происходящих научных революций, когда предыдущие знания переоцениваются), поэтому в публикациях фиксируется новое знание по новому вопросу. В этом смысле результат креативного труда физика действительно уникален. Следовательно, научная работа ранее неизвестного автора, опубликованная в каком-нибудь провинциальном журнале, имеет хорошие шансы пробить себе дорогу наверх.

Физика и другие точные науки, в таком случае, потенциально могут расширяться безгранично, но это будет означать такой рост специализации, который приведет к существенному увеличению рутинных процедур, выполняемых отдельным работником, в меньшей степени делая эту профессию креативной. Рост числа ученых в экономике, имеющий пределы расширения, стал одной из главных, если не самой главной, причиной высокой специализации экономистов, ищущих новые области для получения научной значимости своих работ. Возможно экономика уже подошла к своему пределу – либо дальнейшее увеличение численности ученых сделает его непродуктивным, либо еще большая специализация будет вымывать творческую составляющую в труде экономистов.

Означает ли все вышеизложенное, что креатосфера, ограничившись в своих масштабах, неизбежно должна стать неким замкнутым элитарным клубом? Безусловно, нет. Стоит приветствовать свободное распространение информации, достижений культуры, общедоступное качественное образование на разных этапах в интересах социально-экономического развития общества и обеспечения подлинного равенства между людьми – равенства исходных возможностей. Следует согласиться с А.В. Бузгалиным в том, что в противном случае мир станет еще более иерархичным, содержащим очень высокие социальные барьеры, и это, в конечном счете, будет тормозить прогресс всего общества в целом [3]. Речь о том, что общественная потребность в творческом труде ограничена, не каждому в итоге суждено будет стать ученым, музыкантом, писателем. В данном случае общедоступное качественное образование выступает не как основание того, чтобы в будущем каждый второй стал доктором наук, а для предоставления шанса для всех, что позволит самым

диапазонах незначительны (если его можно скачать бесплатно, то их вообще нет). Следовательно, покупателю остается принимать во внимание только качество фильма.

Количество снимаемых фильмов имеет, таким образом, свои пределы. Условно говоря, в наше время худшие из фильмов все же находят своего зрителя, отбивая затраты на производство, но после достижения определенного предела дальнейшее расширение индустрии будет регулярно банкротить наименее успешных, создавая количественные ограничения на отрасль в целом.

Проявление вышеописанного свойства усиливается в условиях ограниченной потребительской информации.

В экономической науке, как отмечают Ф. Глётцль и Э. Айгнер, имеется большое неравенство в распределении цитирований журналов. Коэффициент Джини составляет 0,72; на топ-5 журналов приходится 27,7% цитат – концентрация намного выше, чем в журналах по физике [14]². Экономика, в отличие от физики, неточная наука, в которой очень мало постоянных и абсолютных истин. Следовательно, разные теории и мнения могут пытаться осветить один и тот же вопрос – в таком случае их можно условно назвать мнениями-субститутами, которые конкурируют между собой за научное признание. Причем, что важно, наука, стремясь к поиску истины, не может признать таковой сразу несколько мнений одновременно, поэтому остаться “теориями-победителями” могут только немногие. В конечном счете, эти “победители” забирают на себя львиную долю цитат, оставляя “проигравшим” совсем немного. Кроме того, ситуация усугубляется тем, что по причине ограниченности информации многие просто остаются неслышанными. Как показали М. Айстлетнер, Дж. Капеллер, С. Штейнербергер, многие работы становятся популярными во многом благодаря предыдущему опыту и репутации: люди скорее найдут, прочитают, сошлутся на престижное издание, автора, который просто “на слуху”, независимо от того, есть ли более качественные статьи по данному вопросу из менее известных изданий и за авторством менее известного экономиста [11]. Таким образом, численность экономистов так же имеет свою границу, так как в противном случае предельная научная результативность будет падать.

² Авторы рассматривали базу данных Web of Science.

производства в сторону все большего вытеснения из него человека, передачи машинам рутинных функций, в конечном итоге – автоматизацию производства, по большому счету оказался прав. Неравномерно, через зигзаги прогресса и регресса, человечество шло к тому состоянию, которое сегодня называют по-разному, но содержание которого описывают более-менее одинаково. «Умное производство», интернет вещей, роботизация... – все эти термины не сходят со страниц научной и околонаучной прессы.

За этими явлениями, однако, скрыты сущностные процессы. Их исследованию я и возглавляемый мной Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте посвятили не одно десятилетие.

Постепенно приходит понимание того, что человечество стоит на грани рождения качественно нового материального производства, основанного на интеграции NBICS-технологий.

Дальше закономерно встает вопрос: в чем содержание этих процессов и к каким изменениям в социально-экономических отношениях и качествах человека они приведут?

Во время нашего прошлого визита в Кембридж я в своих лекциях и докладах подчеркнул: происходит своего рода «отрицание отрицания» (вспомним еще раз марксизм, в данном случае, как методологию): на смену теории нового индустриального общества Гэлбрейта пришли отрицающие его подходы мороки постиндустриализма, отрицанием которых стали наши разработки теории нового индустриального общества второго поколения. Подчеркну: в обоих случаях отрицание и критика предшественников имели реальные основания: в конце XX века, действительно, резко возросла доля сферы услуг, что и послужило основанием для работ Белла и Ко. Но новый век показал: деиндустриализация чревата целой системой разрушительных последствий, свидетелями чего стали и Россия, и США, и многие другие страны.

Отсюда импульс диалектического, развивающего достижения прошлого, «восстановления» идей первенства индустрии, но в ее новом качестве.

Коренным изменением, в данном случае, является переход к **знаниеемкому материальному производству**, что вызывает цепочку изменений во всех сферах производственно-экономической жизни. К ним относятся резкое сокращение роли материальных факторов производства и возрастание роли такого фактора, как знание; «ускорение ускорения» инновационного процесса и многое другое.

В результате развития по знаниеинтенсивному пути (см. рис. 1) наступает момент, когда во многих продуктах, в их массе, «знаниевая» часть начинает существенно превышать «материальную» часть. Этот вывод хорошо иллюстрируется на предложенном нами графике, где пересекаются кривые, отображающие удельный вес материальных и интеллектуальных затрат в общих издержках производства (мои коллеги в России уже окрестили этот феномен «**Крестом Бодрунова**»).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЯ УДЕЛЬНЫХ ЕМКОСТНЫХ ПАРАМЕТРОВ КОМПОНЕНТ ПРОДУКТА

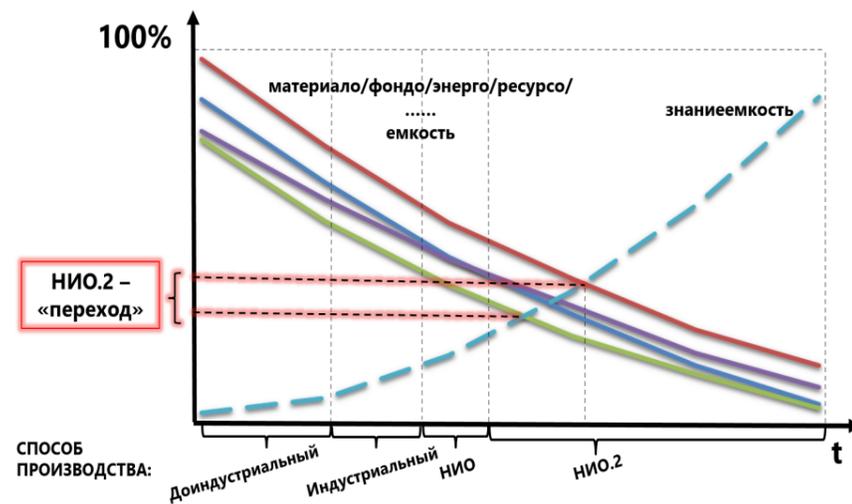

Рисунок 1.

сфере разработок искусственного интеллекта (в 2005-м году было немногим более 10 000 [16, р. 22]). Обслуживание этой техники требует от работников широкого разнообразия компетенций, что отражено в соответствующем отчете ОЭСР [16].

Тем не менее, тенденция роста креативной составляющей в общественном труде во многом отталкивается от низкой базы. Сейчас, если взять пример Великобритании, доля занятых креативным трудом колеблется в диапазоне от 5 до 10% (исходя из данных, представленных выше) при вероятном преувеличении действительного творческого труда, о чем говорилось выше. Стоит вопрос будущего этой тенденции и возможностей ее влияния на всю экономическую систему и, как следствие, экономическую теорию.

При стремительности технического прогресса существуют ограничения потенциала увеличения творческого труда, которые способны как минимум значительно снизить скорость его распространения.

Нужно отметить, что креативные продукты теоретиками экономики знаний, как правило, признаются уникальными. Это во многом справедливо – достаточно обратиться к востребованности изучения вопросов защиты интеллектуальной собственности, брендинга, патентному праву по отношению к этим товарам. В то же время немалая часть таких товаров в глазах потребителя фактически имеет свои субституты. Например, двух одинаковых фильмов не бывает в отличие от одинаковых или очень похожих штанов... Однако фактически ценитель кино в связи с ограниченностью времени будет выбирать малую часть фильмов для просмотра, рассматривая остальные как альтернативные товары-заменители. Аналогично любитель книг прочтет только избранное в рамках своих жанровых/авторских предпочтений. Таким образом, немало творческих продуктов в вопросе потребительского выбора имеют те же свойства субституты, что и материальные воспроизводимые товары.

Учитывая, что существенная часть творческого продукта (знания, фильмы, книги) распространяется практически без издержек (и потребляются зачастую бесплатно или за незначительные деньги) и вне пространства, то потребитель будет действовать по простой логике “выбрать что лучше”. Один и тот же фильм можно найти и посмотреть практически везде, причем различия в ценовых

никогда не требовались высокие университетские оценки и прочие образовательные регалии. Однако до повсеместного внедрения навигаторов таксист обладал колоссальными для обычного человека знаниями города, “встроенной в голову” детальной картой, сведениями о различных возможных маршрутах и т.д. Объем знаний, квалификации со временем прирастает до поистине впечатляющих масштабов – так, нейробиологами было отмечено значительное изменение структуры мозга и рост интенсификации связей между его частями [15]. Это наглядно иллюстрирует наличие выполнения квалифицированной работы, основанной на постоянной обучаемости, пополнении знаний, но при этом такую работу сложно отнести к творческой.

В современной “сервисной” экономике развитых стран значительное число работников при высокой степени своей образованности, тем не менее, не ушли от рутинности. Переводчик должен приложить много усилий, чтобы выучить язык, но в процессе перевода он воспроизводит уже имеющиеся знания. Офисный клерк в хорошо изученной программе осуществляет повторяющиеся действия с ней. Безусловно, периодически необходимо делать нестандартное действие, “проявлять фантазию”, например, подумать, как перевести необычный речевой оборот или особым образом составить запрос программе. И таких новых задач у “офисного планктона” больше, чем у рабочего конвейера образца первой половины XX-го века. Однако дорога до абстрактной модели полноценного творца, как представляется, у него по-прежнему существенно длиннее, чем до классического “машиноподобного” индустриального рабочего. Теоретические работы, посвященные трансформации производственных отношений, зачастую не проводят грань между творческой и квалифицированной видами деятельности, по сути, делая это единым целым. Такой подход переоценивает креативную составляющую в производстве и, следовательно, преувеличивает степень изменения всей экономической системы.

Рост требований к квалификации работников и творческим навыкам в последние десятилетия, несомненно, высок. Роботизация и информационные технологии высвобождают трудовые ресурсы, позволяя решать новые производственные задачи. По состоянию на 2015 г. зарегистрировано почти 20 000 патентов (в странах ОЭСР) в

Эти выводы в немалой степени базируются на еще одном – **втором** в нашем перечне – положении Маркса, не утратившем своего значения и через 150 лет. Становящаяся реальностью новая промышленная революция и противоречия капитализма XXI века доказывают актуальность положения о наличии как прямых, так и обратных связей во взаимодействии технологического базиса и экономических отношений и институтов, того, что Маркс называл производительными силами и производственными отношениями.

Этот вывод заставляет нас задать вопрос: **а какие производственные отношения будут наиболее адекватны для разворачивающегося в настоящее время процесса революционизирования технологий?**

Ответ на этот вопрос, как ни странно, не так уж сложен. Более того, ряд его фрагментов воспроизводится с завидной регулярностью как на Западе (укажу на всем хорошо известные имена Стиглица, Кругмана и др.), так и в России (академики Львов, Глазьев и др.). Да и среди присутствующих сегодня на встрече уважаемых коллег немало тех, кто отмечал эти императивы.

Автор этого доклада так же вот уже третье десятилетие говорит и пишет о необходимости следующих трансформаций в экономических отношениях и институтах, направленных на переход от деиндустриализации к выходу на траекторию нового индустриального общества второго поколения. Оставаясь в рамках рыночной экономики (или того, что Маркс называл капиталистическим способом производства) объективно возможно определенное реформирование системы экономических отношений, что, в свою очередь, предполагает необходимость разработки и реализации мер активной индустриальной политики, стратегического планирования, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования на микро-, мезо- и макроуровнях и т.д.

Между тем, уже и рассмотренные тренды далеко не исчерпывают грядущих изменений. Наша цивилизация стоит на пороге качественного скачка: *человек постепенно выйдет из материального производства «за пределы материального производства», заняв роль его «контролёра и регулировщика», что предрекал К. Маркс.*

Есть, однако, один пункт в ряду этих императивов, который я бы выделил особо, как **третий** аспект в нашем перечне положений марксизма, требующих критического развития. Речь идет о теории фиктивного капитала Маркса и теориях финансового капитала Рудольфа Гильфердинга, Владимира Ульянова-Ленина, Розы Люксембург и их последователей. При всех разногласиях и разночтениях они сходились в одном очень важном положении: преимущественно прогрессивной роли финансового капитала как акселератора промышленного развития на ранних стадиях индустриального капитализма и преимущественно негативной, ведущей к чрезмерной финансиализации, роли последнего сегодня.

Я не хотел бы сейчас углубляться в эту большую и важную тему. На русском языке вскоре увидят свет несколько моих материалов, посвященных данному вопросу и, надеюсь, в ближайшем будущем они станут доступны и англоязычному читателю. Думаю, что одну из наших следующих встреч мы также могли бы посвятить этому вопросу, в силу его особого значения.

Но в этом докладе я не могу не подчеркнуть, что без жесткого разделения функций финансов как драйвера технологического и социального развития, с одной стороны, и паразитически-спекулятивной надстройки, тормозящей всяческий прогресс – с другой, дальнейшее развитие невозможно. Не удержусь от того, чтобы не привести в этой связи популярную в России шутку: что такое инвестиция? – Это неудавшаяся спекуляция.

Вернемся к Марксу.

И последний – **четвертый** по очереди, но не по значению – пункт. Как ни странно, но на большинстве юбилейных форумов и конференций, посвященных 200-летию Маркса, я мало от кого слышал об одном из важнейших тезисов Маркса и его друга и сподвижника Энгельса. Речь идет об их выводе о **качественной трансформации общественного устройства**, которое они называли «царством необходимости», в другое состояние – в «царство свободы».

будущем все же изменит общественную систему кардинальным образом? В рамках данной работы акцент делается на втором и третьем вопросе.

Важнейший момент, зачастую упускаемый из виду, состоит в не совсем корректном смешении квалифицированного и непосредственно творческого труда. Это можно проиллюстрировать несколькими примерами ниже.

При появлении новых технических разработок, первый опыт их применения связан с большим объемом действительно творческой работы, меняющей мир. Например, когда разрабатывались первые телефоны, первые звонки были революционным действием, сопровождавшимся внимательным изучением каждой мелочи. Прокладка первых телефонных сетей требовала от их создателей большого объема творческого созидания. Затем, с отработкой технологий, поддержка телефонного сообщения нуждалась в квалифицированных профессионалах, понимавших изнутри суть всей технологии, но им уже было достаточно идти по проторенной дороге. В наше же время телефонное сообщение стало абсолютно естественным. Большинству обслуживающего персонала достаточно, грубо говоря, просто знать на какие кнопки нажать, чтобы все работало. Соответственно, при удовлетворении одной и той же потребности основная масса работников – создателей продукта в течение времени проходит цепочку от креативности до воспроизводства простых операций.

Таким образом, с одной стороны, имеет место долгосрочная тенденция роста креативности в мировой экономике. С другой же стороны, внутри этого процесса есть и обратное движение: результатом творчества становится то, что создается сфера рутинной деятельности, сокращающая долю творческого труда, особенно если многие проблемы за человека начинает решать хорошо запрограммированный гаджет. Однако вышеуказанный пример в данный момент важен в первую очередь не для демонстрации динамики, а в проведении грани между творческим созиданием и квалифицированным, требующим образования, знаний и набора навыков, но воспроизводимым, в значительной степени рутинным трудом.

В качестве другого примера можно использовать профессию таксистов. Ее сложно назвать творческой, для устройства на нее

В 2016 г. по сравнению с 2011 г. занятость в творческих отраслях выросла на 25,4 % [13, 7].

В данном случае отмечаются не только “творческие” отрасли, внутри которых трудится множество сотрудников, труд которых сложно назвать креативным, но и творческие профессии внутри них. Ключевой критерий выделения этих профессий – невозможность замены работников машинами.

Наблюдаются и качественные изменения: становится больше занятых без привязки к рабочему месту и даже работодателю, используются новые ресурсы, распределяемые зачастую нерыночным путем (информация, находящаяся в свободном доступе). Необходимость поддержки ряда креативных сфер побуждает государство выполнять функции куратора, распределяющего средства и спонсора. Перечисление можно продолжить.

Тем не менее, такие изменения пока остаются локальными, не приведшими к кардинальному слою законов функционирования всей системы в целом. Более того, капитализм в значительной степени “переваривает” новые условия, формирующиеся из объективного процесса технологического развития, и ставит их себе на службу, обновляясь, даже частично отрицая себя, но в конечном счете стабильно выполняя свое предназначение генерации прибыли.

Как отмечает Д. Лэйн, коммерческие организации “вписывают технологическое развитие в контекст глобальных корпораций. Они основаны на частной собственности и управляются в соответствии со стремлением к прибыли [6, с. 13]”. При этом творческие работники становятся элитной рабочей силой, действующей по законам функционирования фирмы в неолиберальной среде. Сферы искусства, развлечения также в большой степени находятся под контролем частных компаний.

В какой мере будет справедливым сказать, используя марксистские термины, что производственные отношения опаздывают за новыми производительными силами, что современная экономика действует по устаревшим правилам, выгодным, вероятно, элитам, но подавляющим потенциал развития всего общества? Или существует переоценка значимости новых явлений и их возможности привести к качественному скачку? Реализуется ли такая тенденция роста креативной сферы, которая в недалеком

Этот тезис звучит, на первый взгляд, предельно абстрактно. Однако на самом деле за ним скрыто содержание, которое именно сейчас становится предельно актуальным. Маркс не случайно пишет о царстве свободы, как мире, лежащем «по ту сторону собственно материального производства» (цитата). Это:

- мир, где решающим фактором производства становятся не материальные предметы, а знание;
- мир, в котором доминирует свободное время;
- мир, где природа выступает не как источник ценного сырья, а как культурная ценность;
- мир, где – и это едва ли самое главное – человек становится, как мы уже отметили выше, «контролером и регулировщиком» все более автоматизированного производства.

На этой базе вырастает новая общественная реальность, которую мы обозначили понятием ноообщество, материальной основой которого является неэкономический способ удовлетворения потребностей – *ноономика*. В этом мире новые технологии создадут предпосылки для снятия противоречий финансовализации, общества симулятивного потребления, утилитарного отношения к природе, а знания и человеческое развитие станут приоритетом и основой нового, постэкономического производства.

Именно этому посвящена моя новая книга, английская версия которой завтра будет представлена участникам нашего семинара на запланированной презентации.

Завершая, подчеркну: я не футуролог.

Я – экономист.

Но на этой конференции я позволю себе сформулировать некоторый прогноз.

Сегодняшний Маркс-антигерой (во всяком случае в глазах, пожалуй что, большинства интеллектуалов мира и России) чем дальше, тем больше будет становиться не столько символом классовой борьбы, гражданских войн и ГУЛАГов, сколько образом мыслителя, не боящегося ставить фундаментальнейшие проблемы человечества.

И этот образ не будет глянцевым. Любой мыслитель для любого другого интеллектуала – это, прежде всего, объект для критики. И каждый из нас знает: чем больше и умнее тебя критикуют – тем больше пользы для твоих идей, тем прочнее будет их вечно обновляемый фундамент. Я думаю, этот подход – интеллектуально-критический – станет все больше распространяться и по отношению к Марксу.

Но для этого сегодня мы должны отказаться от двух печальных традиций последних десятилетий: и от слепого возвеличивания Маркса, и от огульной хулы в его адрес. Маркс будущего придет к нам не в виде идеологических догматов и не как исторический памятник, а как один из тех мыслителей, кто сумел создать интеллектуальное пространство, помогающее нам не только понять, но и изменить этот мир.

Спасибо за внимание.

Таблица 2.

Творческая насыщенность креативной индустрии
Великобритании, чел. (приблизительная оценка), 2011 г.

Творческий сектор	Творческие профессии	Другие профессии	Все профессии	Интенсивность (творческие профессии/все профессии)
Реклама	45 900	69 400	115 300	40%
Архитектура	67 800	36 200	103 500	65%
Искусство и древнее искусство	500	8 300	8 800	6%
Дизайн	56 400	42 100	98 500	57%
Дизайн моды	3 700	2 900	6 600	56%
Фильмы, видео и фотография	28 700	29 500	58 200	49%
Музыка, визуальные и изобразительные искусства	138 400	52 800	191 300	72%
Издательство	71 300	111 500	182 700	39%
Электронное и программное издательство	900	22 300	23 200	4%
Цифровое и развлекательное медиа	2 000	11 200	13 200	15%
ТВ и радио	61 700	34 200	96 000	64%
Все креативные индустрии (определение 2011г.)	476 800	420 500	897 300	53%

Источник: [12]. Цит. по [10, 41].

действительно творческой деятельностью [5]). Кроме того, в “нетворческих” сферах пусть и в меньшей степени, но существует креативная составляющая.

А. Фриман отмечает в качестве главной отличительной особенности творческого труда его незаменимость машинами, невозможность механизации [10]. Кроме того, создаваемый продукт характеризуется своей уникальностью, высокая доля стоимости имеет нематериальную природу, более сложными контрактными системами при его производстве, обмене, защите прав собственности (прежде всего интеллектуальной). Таким образом, выделяется несколько разнородных (хотя и взаимосвязанных) критериев: соответствие одновременно каждому из них позволяет ту или иную сферу деятельности признать креативной.

Подразумевается, что в процессе творческой деятельности человек совершает нерутинные операции, формулирует и решает новые задачи, хотя, безусловно, необходимость следования шаблонам, устоявшимся алгоритмам не исчезает совсем. Также нужно отметить принципиальное различие отношений креативной сферы сравнительно с отношениями, условно говоря, классической индустриальной системы, в период доминирования которой формировались методологические основы современного мейнстрима. Так, экономика стала фокусироваться на проблеме максимального обеспечения ограниченными благами (но многие продукты креативного труда, не имея материальной формы, по сути безграничны). Товары и процесс их производства в рамках экономики стандартизированы (что противоположно ситуации в творческих “индустриях”) и, следовательно, многое поддается математическому описанию. Это лишь пара примеров.

Согласно оценке департамента культуры, СМИ и спорта Великобритании, сделавшего расчеты по Соединенному Королевству (А. Фриман придерживается схожего подхода) доля творческой составляющей в труде британцев становится все больше, и темпы этого роста высоки.

**А.В. Бузгалин,
профессор экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, научный руководитель
Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, д.э.н.**

Капитал в XXI веке: закон накопления

Почти десять лет, прошедших после мирового экономического и финансового кризиса 2007-2009 годов и вызванного им взрывообразного роста интереса к работам Маркса, не снизили интереса к наследию этого выдающегося мыслителя, неслучайно признанного, по опросу Би-Би-Си, крупнейшим интеллектуалом второго тысячелетия. Более того, 150-летие выхода I тома «Капитала» (1867 г.) и 200-летие со дня рождения Карла Маркса (5 мая 1818 г.) еще более усиливают этот интерес. Ученым-политэкономам на протяжении последнего десятилетия не раз доводилось писать об этом (упомяну лишь такие имена как О.Ю. Мамедов (2015а; 2015b), А.А. Пороховский (2016), В.Т. Рязанов (2015)). Автору этого текста уже не раз доводилось писать о том, что многое из этого классического наследия остается по-прежнему актуальным. И это не только методология и фундаментальные теоретические выводы, но и анализ многих практически значимых проблем, ставших «вдруг» реальностью для стран периферии, вступивших на путь развития индустриального капитализма, до удивления близкого к тому, о чем писал Маркс полтора столетия назад. Но многое требует критики и дополнения. Обо всем этом мною было написано не раз, прежде всего, в двухтомнике «Глобальный капитал» в соавторстве с А.И. Колгановым, вышедшем в 2018 году уже 4-м изданием (Бузгалин и Колганов, 2018. См. также: Бузгалин и Колганов, 2005а; 2005b). Но есть сюжеты, которые не вошли даже в это – последнее на настоящий момент – издание. Это два тезиса, характеризующих некоторые особенности процесса воспроизводства в условиях позднего капитализма.

Первый – уточнение сформулированного Марксом всеобщего закона капиталистического накопления. Уточнение, обусловленное развернувшимся в XX веке и несколько замедлившимся (а кое-где и пошедшим вспять) в последние десятилетия процессом социализации капитализма.

Второй – новая структура общественного воспроизводства, где вследствие прогресса производительных сил (прежде всего, вследствие роста доли креативной деятельности) и производственных отношений (перехода к этапу позднего капитализма) наряду с выделявшимися Марксом двумя подразделениями общественного воспроизводства (производство средств производства и производство предметов потребления) следует выделить лежащие «по ту сторону» собственно материального производства подразделения: креатосферу (сферу, системное качество которой определяет творческий труд – образование, наука, искусство и др.) и бесполезный сектор (тот, где создаются блага, не содействующие развитию человеческих качеств и решению эко-социо-гуманитарных проблем).

Оба этих тезиса пока следует квалифицировать скорее как гипотезы и именно в таком – афористически-сжатом виде – мы представляем их читателю в надежде на будущую конструктивную критику этого текста.

Но начнем с характеристики феномена «поздний капитализм», ибо это – то родовое качество, которое собственно и позволяет обосновать хотя бы в первом приближении предлагаемые ниже гипотезы. Для этого воспользуемся фрагментом текста из «Глобального капитала». Поздний капитализм – это «особый период развития капитализма, характеризующийся частичным эволюционным приспособлением капитала к новым условиям, порождаемым как «закатом» общественной экономической формации, так и эволюцией самого капитала. (...) этап возникновения в недрах капитализма ростков пострыночных отношений, отрицающих качество, сущность капитала, но вместе с тем дающих капитализму новый импульс развития» (Бузгалин и Колганов, 2018: 17)¹.

Данное выше определение позволяет нам перейти к собственно нашей теме и показать некоторые трансформации закона капиталистического накопления, что станет предпосылкой для формулировки гипотезы о возможном *измерении степени социализации капитализма*.

¹ В нашей характеристике позднего капитализма мы опираемся на работы Э. Мандела и близких к нему исследователей (см.: *Mandel, 1975; Jameson, 1991*).

область проявления креативного труда. Предлагаются такие подходы, которые удобны для квантификации и получения статистических данных.

Современные статистические методы учета количества занятых креативным трудом и влияния творческих индустрий на всю экономику несовершенны, но, в то же время, они наглядно иллюстрируют определенные тенденции.

Таблица 1.

Состав различных классов в экономике США, 1900-2015 гг.
(в %, 100% – все занятое население).

Год	Креативные профессионалы	Супер-креативное ядро	Рабочий класс	Обслуживающий класс	Сельское хозяйство	Креативный класс
1900	7,6	2,4	35,8	16,7	37,5	10
1920	8,7	3	40,2	21,1	27	11,7
1940	10,2	4	39,8	28,6	17,4	14,2
1960	12,5	5,4	37,7	33,3	6,1	17,9
1980	10,5	8,2	31,7	46,2	2,8	18,7
1999	18,4	11,7	26,1	43,4	0,4	30,1
2015	18,15	13,06	24,56	43,9	0,33	31,21

Источник: цит. по [5, 118].

Таблица 1 составлена по данным Р. Флориды на основе его методологии [9]. Она состоит в отраслевом подходе, то есть определенные сферы производства признаются креативными. В данном случае происходит внутреннее деление по степени интенсивности использования креатоемких технологий и творческого труда (суперкреативное ядро, креативные профессионалы). Можно согласиться с Д.Б. Джабборовым, критикующим такую систему оценки за слишком большое обобщение (не все работники в данных отраслях занимаются

увеличения творческой составляющей в общественном труде внутри развитых стран, для того, чтобы подорвать принципы экономического мейнстрима наших дней. С этим безотрывно связан вопрос действительного объема творческой деятельности в современном производстве.

Настоящее и будущее творческого труда в производстве

Используя сформулированную К. Марксом интерпретацию простого и сложного труда [7], с очевидностью можно констатировать возросшую долю последнего, заключенную в стоимости товаров. Выполнение самых простых механических операций все больше автоматизируется, с человека требуется все больше знаний и навыков в своем деле – труд становится более квалифицированным.

Тем не менее, рост значения квалифицированного труда и увеличение знаниеемкости продуктов не обязательно тождествен эквивалентному росту креативного труда. Наличие необходимых знаний и способность применять известные подходы к решению задач не означает само по себе креативный (творческий) процесс. Необходимо выделить специфические черты непосредственно творческого труда.

Г.С. Батищев, придерживаясь марксистской методологии, выделяет творческий труд как источник новых феноменов культуры [1]. Как указывают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, развивающие этот подход, творческая деятельность по своей сути является субъект-субъектным отношением, создавая, тем самым, особые формы кооперации. “Для того, чтобы “сотворить” некий результат, его автор, творец должен соединить в своей деятельности (в распредмечивании) такой набор культурных феноменов, который позволяет создать новое всеобщее, целостное качество реальной жизни [4, с. 98]”. Такая интерпретация креативного труда охватывает различные его стороны и обращается к самой основе, сущности творческой деятельности.

Западные теоретики зачастую ориентированы на прагматизм и большую операциональность при формулировке определений, что обуславливает появление дефиниций, затрагивающих отдельную

В упомянутой выше книге специально подчеркнута, что «одной из фундаментальных отличительных особенностей «Капитала» К. Маркса является то, что в нем проблемы экономической динамики исследуются в первую очередь содержательно – как воспроизводство производственных отношений, характерный для него закон накопления, обусловленные этим закономерности занятости и т. д. Структура воспроизводства рассматривается лишь во II томе «Капитала», а проблеме темпов роста и функциональным зависимостям различных его параметров уделено вообще минимальное внимание.

Начиная с XX века практически все не-марксистские направления экономической теории (а со второй половины XX века и большинство марксистов) поступают иначе, уделяя главное внимание проблемам количественным, на все лады моделируя темпы роста ВВП, динамику инфляции, безработицы, денежной массы и т. п., а также их функциональные взаимозависимости. Автор этой работы и в этом разделе вопреки господствующим в современной науке установкам пойдет другим путем и поставит во главу угла проблемы воспроизводства производственных отношений и закон накопления в их позднекапиталистической специфике...

Напомню, что всеобщий закон капиталистического накопления фиксировал, что рост концентрации и централизации капитала означает одновременно, что «накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» (Маркс, 1960: 660). Маркс добавляет: «...По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата» (Маркс, 1960: 660).

Хорошо известно, что последнее столетие продемонстрировало наличие в экономике капитализма значимых *контр-тенденций*. Именно их наличие и призван объяснить закон накопления капитала эпохи «заката» не только капитализма, но и «царства необходимости». Суммировав уже раскрытые нами ранее закономерности двоякого «заката» (капитализма и «царства

необходимости») можно показать, что наряду с воспроизводством собственно капиталистических производственных отношений и характерного для них процесса накопления капитального богатства в руках все более сложных форм капитала – на одном полюсе, и воспроизводства наемного работника как собственника только своей рабочей силы – на другом, происходят и иные процессы.

Первый – превращение процесса накопления капитала в процесс экстенсивного и интенсивного расширенного воспроизводства его гегемонии...

Второй процесс обусловлен тем, что акцентированный нами выше прогресс производительных сил, генезис креатосферы и, особенно, все более широкое использование интеллектуального труда (а, позднее, творческой деятельности) как массового типа наемного труда приводит к изменению качества как капитала, так и – что особенно важно – работника. Все это существенно видоизменяет закономерности накопления. И дело здесь отнюдь не сводится к возрастанию стоимости рабочей силы. Закономерностью, привносимой новым содержанием труда, становится *диффузия процессов воспроизводства капитала и труда, в результате которой капитал отчасти непосредственно становится субъектом воспроизводства нового типа работника, а работник – накопления капитала*. Образно это можно выразить как свойственную для периода «заката» капитализма тенденцию формирования «капиталоподобного» [занятого высококвалифицированным трудом] работника и «трудоподобного» капитала²...

Этим обусловлен *третий* процесс трансформации отношений воспроизводства в условиях позднего капитализма. Суть этого процесса состоит в том, что *генезис отношений контргегемонии (социального творчества) со стороны трудящихся*³ (одного из двух основных субъектов капиталистического процесса воспроизводства) *приводит к появлению ростков*

² Подчеркнем: это лишь одна из тенденций. Еще более значима другая: отрыв капитала от труда по созданию полезных (с точки зрения задач прогресса Человека) результатов и экспансия превратного (бесполезного) сектора.

³ Речь идет о трудящихся, а не только о наемных рабочих, поскольку эксплуатации подвергаются и те работники, которые наемными рабочими не являются, будучи формально самостоятельными.

Г.А. Маслов,
выпускник аспирантуры, н.с. Института нового
индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте

Креативный труд и Четвертая промышленная революция: случай профессии экономиста?¹

Введение

Современный этап развития экономической системы характеризуется повышенным вниманием к технологическим сдвигам, влекущим изменение структуры производства и характера отношений на рынке. Третья промышленная (информационная) революция стала предпосылкой разрастания сферы услуг, внедрения автоматизированных систем производства на основе информационно-вычислительной техники, что заметно повлияло на состав рабочей силы, особенно в развитых странах. Как отмечает С.Д. Бодрунов [2], в настоящее время имеет место ускорение ускорения использования знаниеемких новшеств в производстве.

В наше время, когда достижения информационной революции проявили себя в еще большей степени, и общество стоит на пороге новой технологической трансформации, не будет преувеличением сказать, что вопросы структуры новой экономики, рабочей силы, содержания труда и т.д. важны для рассмотрения в качестве одних из главных тем академической повестки.

Данный материал посвящен вопросу творческого, креативного труда с точки зрения проблемы соответствия между объективно обусловленным новым содержанием труда, современными рыночными отношениями и господствующими парадигмами в экономической теории. При изменении экономической реальности логично предположить появление существенного сдвига в эволюции экономической мысли. Ставится вопрос о том, достаточно ли сильны технико-экономические предпосылки, сформированные фактом

¹ Данный материал был использован в статье: Г.А. Маслов. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // Философия хозяйства. № 2. 2018. С. 93- 108.

_____. 2014b. "The Participatory Economy: A Preliminary Rejoinder." *Science & Society*, 78:4 (October), 513-520.

Lange, Oscar. 1938. *On the Economic Theory of Socialism*. With Fred M. Taylor.

Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota Press, 1938.

Lazou, George Yeats. 2014. "Wikibudgeting." *URPE Newsletter* (Summer), 10-13. Nove, Alec. 1983. *The Economics of Feasible Socialism*. London: Allen & Unwin. Pickersgill, Gary M., and Joyce E. Pickersgill. 1974. *Contemporary Economic Systems: A*

Comparative View. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Roemer, John. 1994. *A Future for Socialism*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Schweickart, David. 1996. *Against Capitalism*. Boulder, Colorado: Westview Press.

Weisskopf, Thomas. 1992. "Toward a Socialism for the Future, in the Wake of the Demise of the Socialism of the Past." *Review of Radical Political Economics*, 24 (Fall/Winter), 1-28.

Yang, Jinhai. 2009. "The Historical Significance of the Combination of Socialism and the Market Economy." *Science & Society*, 73:2 (April), 170-176.

посткапиталистических отношений присвоения и распределения дохода и, как следствие, частичному подрыву и ограничению формального и реального подчинения труда и человека капиталу...

В результате можно сформулировать в качестве гипотезы наличие **закона-тенденции возрастания транзакционных и [анти]социальных издержек в процессе расширенного воспроизводства гегемонии капитала**. Этот рост происходит в той мере, в какой экстенсивно и интенсивно разворачиваются процессы (1) роста локального манипулирования рынком со стороны корпоративного капитала плюс (2) финансовализации и других форм экспансии виртуального фиктивного финансового капитала и (3) десоциализации экономической жизни» (Бузгалин и Колганов, 2018: 390-392, 396-397, 399-400).

Завершая систему тезисов, суммирующих основные черты воспроизводства производственных отношений в условиях позднего капитализма, предложим новую формулировку закона накопления, развивающую идеи «Капитала» применительно к эпохе позднего капитализма.

Закон капиталистического накопления эпохи «заката» капитализма и «царства необходимости» может звучать так: между экспансией гегемонии капитала, с одной стороны, и мерой прогресса креатосферы и социального творчества трудящихся, с другой, существует обратно пропорциональная взаимосвязь.

Оборотной стороной этого закона служит противоположная связь: мера социализации капитализма тем выше, чем в большей степени развиваются ростки креатосферы и социальное творчество трудящихся и граждан, ведущие в конечном итоге ко все большему вытеснению собственно капиталистических отношений ростками царства свободы.

В виде простейших формул эта связь может быть выражена следующим образом:

$$HC = f \{1/(Cr, Scr)\}; AH = f \{Cr, Scr\};$$

где:

HC – мера гегемонии корпоративного капитала,

Cr – мера прогресса креатосферы,

Scr – мера прогресса социального творчества,

AH – мера прогресса антигегемонистских сил.

В конкретных исторических условиях тех или иных стран колебание этой *меры* (еще раз подчеркнем: речь идет о единстве качественных и количественных параметров) проявляет себя в виде борьбы различных политических и общественных сил за ту или иную модель эволюции капитализма, социальной и экономической политики. В результате в разных областях социально-экономического пространства и времени формируются модели скандинавского типа с высокой степенью социализации капитализма, или более либеральные (менее социализированные) модели этой системы, или промежуточные модели социального рыночного хозяйства» (Бузгалин и Колганов, 2018: 404).

Завершив краткое воспроизведение разработанных ранее тезисов, следует перейти к новой гипотезе.

Проведенный ранее и фрагментарно отраженный выше анализ позволяет предположить, что для позднего капитализма характерен процесс, который может быть назван *социализацией капитализма*. Это процесс, составляющий атрибут данной стадии и заключающийся в *развитии в рамках капиталистического способа производства ростков посткапиталистической системы – отношений, основанных на общественном регулировании экономики, ассоциированном присвоении и распределении благ*. Естественно, процесс социализации в условиях позднего капитализма идет *неравномерно и нелинейно*. Он характеризуется не механической смесью «старых» отношений с ростками «новых» отношений, а формированием противоречивых переходных отношений, что было показано еще в работах университетской школы политэкономии в прошлом веке.

Для более полного раскрытия этого тезиса можно использовать обоснованное ранее (Бузгалин и Колганов, 2018) структурирование системы производственных отношений всякого способа производства. Стоит напомнить, что выделяются, следуя логике «Капитала» и базируясь на разработках представителей университетской школы политической экономии, следующие блоки отношений:

_____. 1945. “The Price System as a Mechanism for Using Knowledge.” *American Economic Review*, XXXV:4 (September), 519-530.

Hurwicz, Leonid. 1972. “On Informationally Decentralized Systems.” Pp. 297-336 in C. B. McGuire and R. Radner, eds., *Decision and Organization*. Amsterdam: North-Holland.

Jablonowski, Mark. 2011. “Markets on a (Computer) Chip? New Perspectives on Economic Calculation.” *Science & Society*, 75:3 (July), 400-418.

Kantorovich, L. V. 1965. *The Best Use of Economic Resources*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Keeran, Roger, and Thomas Kenny. 2004. *Socialism Betrayed: Behind the Soviet Collapse*. New York: International Publishers.

Khudokormov, G. N., gen. ed. 1967. *Political Economy of Socialism*. Moscow: Progress Publishers.

Laibman, David. 1992. *Value, Technical Change and Crisis: Explorations in Marxist Economic Theory*. Armonk, New York: M. E. Sharpe.

_____. 2001. “Contours of the Maturing Socialist Economy.” *Historical Materialism*, Vol. 9, 85-110.

_____. 2002. “Democratic Coordination: Towards a Working Socialism for the New Century.” *Science & Society*, 66:1 (Spring), 116-129.

_____. 2005. “The Soviet Demise: Revisionist Betrayal, Structural Defect, or Authoritarian Distortion?” *Science & Society*, 69:4 (October), 594-606.

_____. 2007. *Deep History: A Study in Social Development and Human Potential*. Albany, New York: State University of New York Press.

_____. 2011. “Incentive Design, Iterative Planning, and Local Knowledge in a Maturing Socialist Economy.” *International Critical Thought*, 1:1 (March), 1-22.

_____. 2012a. *Political Economy After Economics: Scientific Method and Radical Imagination*. London: Routledge.

_____. 2012b. Discussion participant, Special Issue, “Designing Socialism: Visions, Projections, Models.” *Science & Society*, 76:2 (April).

_____. 2014a. “Horizontalism and Idealism in Socialist Imagination: An Appraisal of the Participatory Economy.” *Science & Society*, 78:2 (April), 207-234.

Литература

- Albert, Michael, and Robin Hahnel. 1991. *The Political Economy of Participatory Economics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- _____. 2002. "In Defense of Participatory Economics." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 7-21.
- Campbell, Donald. 1995. *Incentives: Motivation and the Economics of Information*. New York: Cambridge University Press.
- Cockshott, Paul, and Allin Cottrell. 1993. *Towards a New Socialism*. Nottingham, England: Spokesman Books.
- _____. 2002. "The Relation Between Economic and Political Instances in the Communist Mode of Production." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 50-64.
- _____. 2012. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).
- Devine, Pat. 1988. *Democracy and Economic Planning*. Cambridge, England: Polity Press; Boulder, Colorado: Westview Press.
- _____. 2002. "Participatory Planning Through Negotiated Coordination." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 72-85.
- _____. 2012. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).
- Ellman, Michael. 1973. *Planning Problems in the USSR*. New York: Cambridge University Press.
- _____. 1979. *Socialist Planning*. London: Cambridge University Press.
- Hahnel, Robin. 2012a. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).
- _____. 2012b. *Of the People, By the People: The Case for a Participatory Economy*. Oakland, California: Soapbox Press (distributed by AK Press).
- _____. 2014. "Response to David Laibman's 'Appraisal of the Participatory Economy'." *Science & Society*, 78:3 (July), 379-389.
- Hayek, Friedrich A. 1944. *The Road to Serfdom*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.

- отношения координации (в терминологии упомянутой школы – «исходное отношение»), примером которых могут служить отношения товарного производства и их форма – рынок;
- отношения соединения работника со средствами производства, присвоения и отчуждения (т.н. «основное производственное отношение, примером которого является отношение капитала и наемного труда);
- отношения распределения и перераспределения дохода (пример – прибыль, заработная плата, рента и т.д.);
- отношения воспроизводства, в частности, упомянутый нами выше всеобщий закон капиталистического накопления.

Процесс социализации затрагивает все эти блоки отношений. Ранее авторы многократно писали о развитии (1) элементов общественно-государственного регулирования и планирования как форм подрыва товарных отношений и (2) общественного присвоения и собственности каждого на все как форм подрыва частного присвоения при капитализме. Ниже хотелось бы обратить внимание на процессы социализации, связанные с перераспределением общественного богатства и дохода в пользу общества в целом и его беднейших слоев, в особенности, в процессе воспроизводства капиталистических производственных отношений, обратив в данном тексте внимание на количественные индикаторы.

Косвенными количественными **индикаторами меры социализации капитализма** могут, в частности, служить:

- доля общественных (распределяемых полностью или частично бесплатно) благ в ВВП;
- соотношение коэффициентов Джини до и после уплаты налогов.

Назовем их соответственно коэффициентом общественных благ (K_s) и выравнивания доходов (K_e). Первый (K_s) показывает, какую часть благ, создаваемых в процессе воспроизводства, акторы экономики получают на основе отношений, качественно отличных от отношений частного присвоения. Вторым (K_e) прямо отражает меру перераспределения дохода (через прогрессивный подоходный налог и налог на наследство, налог на роскошь и др.) наиболее богатых слоев общества в пользу общества в целом и косвенно – меру перераспределения прибавочной стоимости в пользу наемных работников. Нужно подчеркнуть: не случайно используется слово

«косвенно». Автор в полной мере отдает себе отчет, что определенная часть дохода членов общества, платящих повышенный подоходный налог, налог на роскошь и т.п. не имеет своим источником прибавочную стоимость, а средства, получаемые за счет этих налогов, идут не только классу наемных работников.

Перейдем к некоторым простейшим формулам.

$$(1) \quad Ks = Qs/Q$$

где:

Q – объем ВВП,

Qs – объем общественных благ.

$$(2) \quad Ke = G/Gt$$

где:

G – коэффициент Джини до уплаты налогов и выплат трансфертов,

Gt – коэффициент Джини после уплаты налогов и выплат трансфертов.

Их интеграция с определенными весами может дать нам коэффициент социализации капитализма (Ks)

$$(3) \quad Ks = f \{Ks, Ke\}.$$

Можно оставить пока в стороне последний интегральный коэффициент (автор пока не готов предложить готовую модель соединения названных коэффициентов), заметив, что даже простейшие статистические иллюстрации позволяют показать обоснованность предложенных выше формулировок.

Так, эмпирические данные подтверждают, что, во-первых, коэффициент общественных благ в современных развитых странах достаточно высок и составляет от 1/5 до 1/3. Во-вторых, этот коэффициент существенно варьирует в зависимости от того, какая именно модель позднего капитализма – более близкая к социал-демократической или к неолиберальной – реализуется в

действовать в соответствии с ними. Если дальнейшее развитие производительных сил развитого социалистического общества требует самостоятельности и принципиального поведения коллективов на местах, это обеспечивает объективную основу для проявления тенденции сближения планов с реальными возможностями на местах, а также сближения результатов с планами. Планы начинают все лучше отражать реальность, повышая эффективность централизованной координации. Они также становятся все менее подвержены беспринципным манипуляциям, поскольку выполнение плана требует осознанного участия всех членов коллектива. Рациональное понимание со стороны всех участников процесса означает, что само разделение между руководителем и подчиненными постепенно преодолевается: *мы сами себя стимулируем*, и тем самым закладываем основы для полной интернализации стимулов, устраняя саму необходимость их существования в виде явной связи между трудом и доходом.

Окончательная проверка правильности любой концепции социализма, включая МДИК, заключается в следующем: послужит ли ее дальнейшее тестирование и разработка укреплению ее основных свойств или же она станет все больше «походить» на одну из альтернатив? Другими словами: какая из моделей (если таковая имеется) лучше всего подходит в качестве основы для разработки различных идей? В духе этого утверждения каждый из сторонников определенной модели – переговорной координации (Девин), «экономики участия» (Альберт-Ханель), рыночного социализма (Ланге-Тэйлор, Ремер, Швайкарт, Вайскопф, КПК), «нового социализма» (Кокшотт-Коттрелл) и МДИК (Лейбман) – должен видеть свою задачу в расширении и детализации своей модели путем комментирования и учета возражений и предложений сторонников других моделей. Если получившаяся при этом синтетическая модель воплотит в себе основные характеристики одной из моделей, то и пусть! Я готов отказаться от любых предвзятых мнений, если это требуется для продвижения нашего общего проекта. Остальные должны быть готовы сделать то же самое.

поощрялось эгоистичное, беспринципное, близорукое поведение, как это представляется неизбежным в режиме неконтролируемого расширения рынка, переход к все более полному социалистическому развитию, безусловно, будет поставлен под угрозу.

Власть. Она должна быть надлежащим образом конституирована в условиях реальных демократических сдержек и противовесов, это важно для эффективного обеспечения интересов самого главного «заинтересованного лица», рабочего класса. Старый, внушенный анархизмом страх перед любой формой центральной политической власти мешает подлинным попыткам углубить демократическое содержание экономической жизни, по иронии судьбы, даже на местном уровне.

Расчет. Для общества просто не существует способа обеспечения не связанного с отчуждением контроля над обширной «структурой целей и средств» (Хайек) без обращения к проблематике решения соответствующих уравнений. Переговоры играют определенную роль, но они не могут служить основой. Идею «переговорной координации» все чаще можно рассматривать как молчаливое признание того, что сторонники классического рыночного либерализма в конечном счете оказались правы: социалистический (нерыночный) расчет невозможен.

Делегирование. Суть преодоления извечного господства средств производства над теми, кто их создает и эксплуатирует, с превращением работника в фактического повелителя трудового и общественного процесса, а не в его побочный продукт, состоит в культивировании значимого активизма на местном уровне – прямо на рабочем месте и среди населения. Даже если бы суперкомпьютеры могли выполнять всю работу, это было бы нежелательно.

После преодоления *излишков* фобий мы остаемся с МДИК! И вот похоже, что многоуровневая демократическая итеративная координация предлагает перспективу, сочетающую в себе положительные черты централизованного планирования, самостоятельности на местах, участия и искусной оценки. В частности, центральная координация может сочетаться с активизмом и инициативой снизу; кроме того, *имеется возможность* выстроить систему стимулирования таким образом, чтобы побудить предприятия отчитываться о своих истинных возможностях и

пространстве той или иной экономической системы (страны). Так, коэффициент общественных благ существенно различается для таких стран, как США и Швеция (см. табл. 1).

Таблица 1.

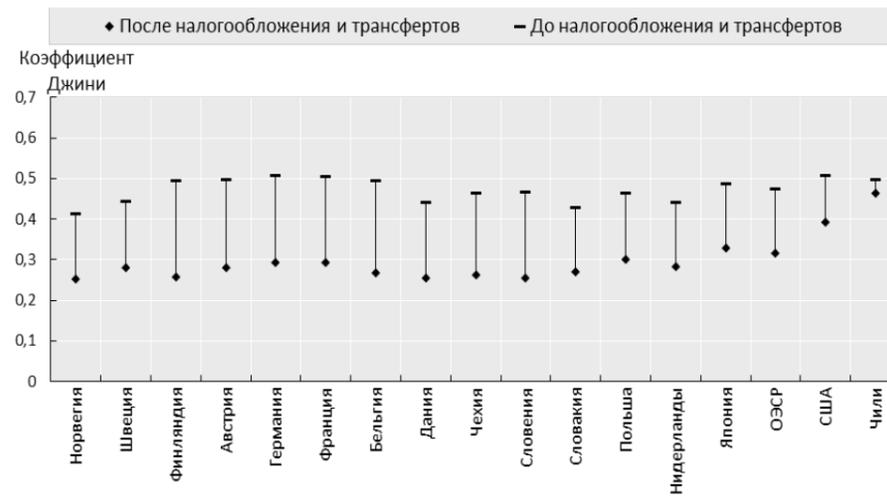
Доля общественных благ в ВВП (Швеция и США)

Средства, направляемые государством на общественные блага (% ВВП)		
	Швеция	США
Социальная защита	20,8	7,8
Образование	6,5	6,1
Рекреация, культура, религия	1,1	0,2
Здравоохранение	6,9	9,1
ЖКУ	0,74	0,53
Защита окружающей среды	0,29	0
Итого (коэффициент общественных благ)	36,33	23,73

Источник: расчеты авторов по данным ОЭСР (URL: <https://data.oecd.org/gga/general-government-spending.htm>).

Роль перераспределения доходов, измеряемая различием между коэффициентами Джини до и после налогообложения и перечисления трансфертов, также существенно различается в странах с социальной ориентацией экономики и в странах с преимущественно либеральной государственной экономической политикой (см. рис. 1).

Рис. 1. Различия в распределении доходов до и после налогообложения и выплаты трансфертов, 2013 г.

Источник: Адаптировано по данным OECD Income Distribution Database. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/888933533625>

Все это свидетельствует о возможности и важности не только качественного, но и количественного исследования меры социализации капитализма.

Тесно, хотя и не непосредственно связанный с этим вопрос – **изменения в структуре общественного воспроизводства**, где наряду с материальным общественным производством, основанным преимущественно на репродуктивном (ручном и индустриальном) труде выделяется сфера, специфика которой задается творческим по своему содержанию трудом – **креатосфера**. Она включает такие сферы как образование (а это не только обучение, но и воспитание, и просвещение), наука, культура (в том числе – физическая), рекреация природы и общества, управление социальными и экономическими процессами и т.п. Кроме того – и этот аспект, надо самокритично заметить, не отражен в предшествующих работах,

социализм, в том виде, в каком он существовал, а жесткий авторитаризм и репрессии, которые пустили корни в первые десятилетия, исказили и подорвали раннесоциалистическое развитие и не получили должного отпора в послевоенный период.

Нужно преодолеть однобокие искажения и фобии, о которых идет речь выше. Моя аргументация подразумевает, и здесь я это заявляю прямо, что преувеличение их роли в различных моделях «социализма XXI века» является – по крайней мере отчасти – результатом неспособности противостояния мощному антисоветскому импульсу, который пустил ростки в «западной» мысли во время холодной войны 20-го века. Я должен отметить, однако, что ни один из этих страхов не беспочвенен: в частности, советская плановая система действительно пришла к серьезному – и в конечном счете фатальному – перерождению, что вылилось в злоупотребление бюрократической властью, авторитарные репрессии и сверхполитизацию интеллектуальной и культурной жизни. Однако сохраняющееся невежество относительно советского эксперимента и массовое его неприятие, столь распространившееся под гнетом идеологии "холодной войны", лишает левых всего мира жизненно важных ресурсов, необходимых для преодоления однобокости представлений о социалистических формах и для использования удачного опыта с учетом всех слабостей и недостатков. Лозунг «Социализм для XXI века» прямо или косвенно воплощает в себе это «неприятие». Следует отметить: *есть только одна дорога, ведущая из XIX века в XXI, и она проходит через XX век.*

3) МДИК: фундамент для синтеза?

Обращаясь к важнейшим фобиям – планирования, полномочий, расчетов и делегирования (мы можем пока оставить «человеческие контакты» в стороне) – мы приходим к концепции, которая подчеркивает соответствующие функции каждого из объектов этих фобий.

Планирование. Социалистическая система не должна быть отдана стихийной, разрозненной эволюции под «руководством» рынка. (Когда «рынки» определяют все, обычно обнаруживается, что работают вполне реальные «невидимые кулаки».) Самое главное, если мы позволим, чтобы цвели пышным цветом поляризация общества, цикличность кризисов, нестабильность и чтобы

капитализма, рынков, государственной собственности, НПО, надзорных организаций и множества других исходных элементов родился развитой социализм. По крайней мере, так я утверждаю!

Обратите внимание, что эту позицию в центре (МДИК) я еще и охарактеризовал как отражающую потенциал позднесоветского периода. В следующем разделе я приведу аргументы, поддерживающие эту характеристику.

Наконец, отмечу: я полностью признаю что данная модель моделей и взаимосвязь между ними – это моя собственная конструкция, выполненная во вполне корыстных целях! Однако, если есть какой-либо другой способ организации принципов, лежащих в основе различий между моделями, согласно которому какая-то другая модель, а не МДИК, выступала бы в роли организующей и определяющей центральной части, мне о нем ничего не известно.

2) Слон в посудной лавке: Советский Союз

На самом деле существует еще одна фобия – боязнь тщательно оценить советский опыт и восстановить для нашего текущего проекта его положительные элементы – поразившая почти всех западных левых. Даже многие коммунистические партии пришли к выводу, что 1989-1991 годы означают отказ народов бывшего Советского Союза и Восточной Европы от «советской модели» социализма. Я утверждал (Лейбман, 2001; 2002; 2005; 2007; 2012), что весь советский проект, с конца 1920-х годов до его упадка, содержит уникальный и жизненно важный вклад в теоретическую и эмпирическую основу обновления социализма. Особенно это относится к реализации общесистемных материальных балансов 1950-х годов, реформам 1960-х годов и гораздо более глубоким преобразованиям, начатым в 1979 году при Леониде Брежневе, а также известным миру как «перестройка» Михаила Горбачева. Эти события, по большому счету, не имели аналогов ни в Восточной Европе, ни в Азии, ни на Кубе. Их потенциал был утрачен из-за политической нестабильности, вызванной авторитарными искажениями политической, научной и культурной жизни, связанными с культом личности Сталина, начало которому было положено в 1930-х годах. Если интерпретировать эти события подобным образом, то народы Советского Союза отвергли не

креатосфера включает и ту часть материального производства, где человек выполняет творческие, а не репродуктивные функции.

Нужно оговориться: собственно творческая деятельность даже в этих «отраслях» предполагает одновременно существование массы рутинных процессов, большие объемы репродуктивного труда, будь то сбор данных ученым или тренировки балерины, наличие глубоких противоречий (среди наиболее очевидных – противоречия «солистов» и «кордебалета», «дирижёра» и «оркестрантов»), но *системное качество креатосферы определяет именно творческая по своему содержанию деятельность* – та, где присутствует мотивация труда трудом, где отсутствует граница между свободным и рабочим временем, где создаются неограниченные по своей физической природе блага и т.п.⁴

Господство тотального рынка, все более ориентированного на производство симулякров, и вырастающей из этого глобальной гегемонии корпоративного капитала, приводит к формированию особого социально-экономического подпространства – **бесполезного (превратного) сектора**. Это все те как бы полезные товары, которые удовлетворяют искусственно навязанные потребителю (включая не только конечное, но и производственное потребление) потребности, не создают благ, содействующих развитию человеческих качеств, но позволяют в условиях позднего капитализма получать все большие прибыли, реализуя свои товары-симулякры во всех сегментах рынка: от розничной торговли до финансов⁵, от политики до шоу-бизнеса.

⁴ В предшествующих работах (Бузгалин, 2017) были подробнее раскрыты (с политико-экономической точки зрения) основные черты творческой деятельности и креатосферы как особой подсистемы общественного воспроизводства.

⁵ Финансовое посредничество, формирование вторичных деривативов и т.п. форм «финансовых пузырей» является одной из наиболее ярких форм экспансии этого сектора. Можно указать лишь на общеизвестные данные, характеризующие динамику соотношения долей финансового и реального секторов в экономике США. Так, доля финансового сектора экономики (включающего финансы, страхование, рынок недвижимости, арендные и лизинговые операции) в добавленной стоимости возросла на протяжении 2008-2016 гг. с 19,1% до 20,9%, тогда как доля обрабатывающей промышленности снизилась за этот период с 12,3 до 11,7%. При этом доля финансового сектора практически сравнялась с долей *всех* отраслей материального производства, составившей 21,4% от ВВП в 2016 г. (снизившись с 23,3% в 2008 г.) (рассчитано

Названный критерий позволяет определить этот сектор как бесполезный с точки зрения высшего критерия социального прогресса – эко-социо-гуманитарно-ориентированного развития. Но в этом секторе создается прибыль и ложная социальная стоимость (содержание этой категории раскрыто в «Капитале» К. Маркса) и потому создаются превратные – в терминологии Г.С. Батищева и А.А. Хамидова (Хамидов, 2009) – или, если использовать более привычную терминологию, превращенные (Мамедов, 2015а: 45-46) формы общественного богатства, что становится основанием квалифицировать этот сектор как превратный.

В результате получается структура общественного воспроизводства, отличная от той, что представлена в «Капитале» Маркса.

Ниже предлагается несколько иная, нежели в «Глобальном капитале», форма такого структурирования (см. Таблица 2 а-в).

В частности, стоит обратить внимание на выделенное курсивом в таблице 2-а дополнение к специфике выделения двух подсистем реального сектора: как часть, отличную от креатосферы, выделяется не просто материальное производство, а *материальное производство и сектор полезных услуг, основанные на репродуктивном труде.*

автором по данным: Bureau of Economic Analysis, U.S. Department of Commerce. Industry Data. Value Added by Industry as a Percentage of Gross Domestic Product. Release Date: November 2, 2017. URL: <https://www.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51#reqid=51&step=51&isuri=1&5114=a&5102=5>). При этом доля обрабатывающей промышленности в экономике США снизилась почти вдвое за последние 35 лет: с 20% в 1980 г. до 11,7% в 2016 г. (данные для 1980 г. приводятся по данным: Economic Report of the President 2012. U.S. Government Printing Office. February, 2012. P. 332 / U.S. Government Publishing Office. <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/ERP-2012/pdf/ERP-2012.pdf>).

эффективности предприятий, о которой речь идет выше. Между заинтересованными сторонами имеет место «переговорная координация» (Девин), в рамках которой все члены советов рабочих (и потребителей) все более активно вовлекаются в широкий процесс участия (Альберт и Ханель), координируемый и усиливаемый демократической структурой центрального планирования, которая воплощает в себе новейшие методы количественного планирования (Кокшотт и Коттрелл). Трудно (по крайней мере, мне) не рассматривать МДИК как синтез положительных элементов, содержащихся в других моделях.

И наоборот, легко представить себе различные альтернативы – партисипативную экономику, новый социализм, рыночный социализм, согласованную координацию – как результат утраты синтеза МДИК в том или ином направлении. Например, централизованно-количественное предложение Кокшотта и Коттрелла не дает ответа на классическую критику местных знаний (Хайек, 1944) и представляет собой своего рода «боязнь делегирования» – неспособность обеспечить массовое участие в координации на микроуровне, которая, как я утверждаю, должна иметь место, если есть потребность вносить местные и переменные (и, возможно, даже «малосодержательные» или «молчаливые») сведения в базу знаний, на которой основывается социалистическая координация. Аналогичным образом, принцип «переговорной координации» просто не учитывает количественные аспекты координации и планирования в современном большом и сложном обществе. Это «боязнь расчета». «Экономика участия» Альберта и Ханеля, в свою очередь, основывается на «боязни власти»; это связано с классическим анархистским догматом, согласно которому любая иерархия или центральная власть – независимо от того, насколько она демократична – имманентно склонна превращаться в репрессивную и разрушительную силу. Наконец, у нас есть «боязнь планирования как такового» в форме пропаганды рыночного социализма и даже «боязнь любых человеческих контактов» в форме вики-бюджетирования. Модель МДИК, в центре рисунка 4 лишена всех этих недостатков и воплощает в себе (по крайней мере, в принципе) синтез централизованной/децентрализованной организации и количественного/политического регулирования, которые действительно могут способствовать тому, чтобы из смеси

находится в экстремуме децентрализма по вертикали, но заимствует как политические, так и количественные механизмы регулирования; отсюда ее положение в нижней центральной части рисунка.

Знак вопроса и стрелка на рисунке обозначают, как я считаю, основной неоднозначный момент в модели «партисипативной экономики» (см. Лейбман, 2014а). Из модели не совсем ясно, общаются ли советы друг с другом или просто голосуют за предложения друг друга (добавляя этим предложениям голоса или забирая их у них) в зависимости от связанных с ними соотношений выгод и затрат. В первом случае присутствует значительный качественный и политический элемент; во втором – начинает казаться, что модель основана на рыночном равновесии и, следовательно, смыкается с моделью рыночного социализма. Поэтому, стрелка на рисунке обозначает мой (весьма спорный) вопрос: а не следует ли эту модель «партисипативной экономики» расположить левее, ближе к позиции классического рыночного социализма (споры об этом см. Ханель, 2014; Лайбман, 2014б).

Долгосрочный (но очевидный) вывод из данного повествования связан, разумеется, с тем, что находится в центре рисунка, где можно представить себе синтез, охватывающий как экстремумы по оси централизма-децентрализма, так и оба экстремума по количественно-качественной оси; следовательно – по крайней мере, в принципе – достигается синтез положительных элементов на обоих концах каждого из двух диаметрально противоположных принципов. Модель МДИК, как обрисовано в общих чертах в данной статье, явно включает в себя элементы как децентрализма, так и централизма. Итерационный процесс предназначен не только для объединения уникальных преимуществ, присутствующих в каждой из этих позиций, но и для обеспечения того, чтобы происходящее в одной позиции расширяло возможности, имеющиеся в другой. Это – органичная (в отличие от механистически-отраслевой) интеграция централизма и децентрализма, постулированная ранее. В рамках модели МДИК также признается и учитывается по необходимости количественный характер экономической координации в большой и сложной современной экономике, но она также включает в себя качественный и политический процесс, особенно при оценке планирования и

Таблица 2.

Структура общественного воспроизводства рыночной экономики в условиях генезиса массовой творческой деятельности

а) два основных сектора общественного воспроизводства

Общественное воспроизводство		
Реальный (полезный) сектор		Превратный (бесполезный) сектор
Креатосфера	Материальное производство и сектор полезных услуг, основанные на репродуктивном труде	

б) структура креатосферы, включающей I и II подразделения общественного воспроизводства

Креатосфера	
Формирование человеческих качеств (I подразделение общественного воспроизводства)	Использование человеческих качеств для создания феноменов культуры (II подразделение общественного воспроизводства)
– образование, – искусство, – здравоохранение, – спорт и т. п.	НИОКР и другие сферы, создающие новые технологии, произведения искусства и т. п.

в) структура материального производства и сектора полезных услуг, включающих III, IV и V подразделения общественного воспроизводства

Материальное производство и сектор полезных услуг		
Производство средств производства	Производство предметов потребления	Производство полезных услуг
(III подразделение общественного воспроизводства)	(IV подразделение общественного воспроизводства)	(V подразделение общественного воспроизводства)

Источник: разработано авторами.

Дополним предельно краткую гипотезу тремя комментариями.

Первый. Количественное отображение названных выше подсистем общественного производства (креатосферы, материального производства, бесполезного сектора) представляет немалые трудности: существующая модель статистической информации основана на иных – формальных, а не содержательных (имеется в виду содержание труда и воспроизводства) критериях.

Второй. Предложенное выше деление существенно отличается от деления на материальное производство и сферу услуг, в частности, потому, что часть *материального производства в условиях позднего капитализма создает бесполезные блага* и как таковая относится к превратному сектору, а сфера услуг, в свою очередь, включает как создание бесполезных благ, так и креатосферу, где создаются наиболее значимые для общественного прогресса результаты.

Принципиально важным с нашей точки зрения является качественное своеобразие креатосферы как отнюдь не непроизводительной сферы, а сферы, создающей важнейшие компоненты производительных сил: человеческие качества. Не забудем и о том, что наука, как это предсказал еще Маркс, чем

посредством переговорной координации», выдвинутую Пэтом Девином (Девин, 1988, 1992, 2002, 2012). Это система, в которой коллективы, состоящие из «заинтересованных сторон» (работников, представителей населения, потребителей), участвуют в непрерывном процессе дискуссий и переговоров, ведущих к экономическим результатам. В рамках централизма делается различие между государственной собственностью, индивидуальной собственностью и общественной собственностью с явным предпочтением последней. Разделение труда на отдельные категории управленческих, творческих, квалифицированных, неквалифицированных и обслуживающих работников подлежит быстрому преодолению, чтобы все работники могли участвовать во всех этих категориях. Очень мало говорится о ценах или о количественных вопросах формирования доходов; решения и общая координация достигаются путем постоянного процесса переговоров. Девин говорит об использовании рыночных «отношений», тщательно проводя различие между ними и рыночными «силами», которых следует избегать; качественные отношения тем не менее остаются доминирующими.

Наконец, существует влиятельная модель «экономики участия» или «партисипативная экономика», предложенная в серии публикаций Майкла Альберта и Робина Ханеля, вышедших на протяжении более двух десятилетий (Альберт и Ханель, 1991, 2002; Ханель, 2012а, 2012b). Это нерыночная система горизонтальных итераций среди рабочих советов и потребительских советов, поддерживаемая «Советом по упрощению итераций», который, однако, не обладает полномочиями по формированию или изменению процесса. Советы с обеих сторон вносят предложения, а другие советы либо принимают, либо отклоняют их до тех пор, пока не будет достигнуто согласие. В ходе этого процесса возникает согласованный набор результатов, обменов, цен и потребления. Данный процесс весьма сродни классическому механизму стихийного достижения общего равновесия спроса и предложения; авторы этой модели в своих формулировках действительно опираются на валльрасианское «нащупывание». Здесь также имеется частично представительный компонент – «федерации» рабочих и потребительские советы, с элементами переговоров. Модель явно

для редактирования, с учетом некоторых ограничений» (Лазу, 2014: 11). Предлагается модель, в которой у агентов есть две стратегии: стратегия работы и стратегия редактирования.

Короче говоря, план формируется на основе взаимодействия *n* человек, каждый из которых сидит за своим компьютером и редактирует действия и уровни доходов других людей. Сторонники этой схемы считают, что при разумных условиях происходит конвергенция до согласованного плана и что доходы «точно соответствуют трудовой теории стоимости» (12) (что бы это ни значило).

Короче говоря, у нас есть модель социализма, рожденная интернет-культурой, в которой практически никто никогда не должен напрямую общаться с кем-либо еще! Похоже, что ее место – в левом нижнем углу рисунка, где я ее и разместил. Дальнейшее описание (и критический анализ) можно будет получить, когда концепция вики-бюджетирования будет доработана.

В правом нижнем углу рисунка мы видим маловероятное сочетание крайнего децентрализма и полностью качественно-политического регулирования. Планы разрабатываются путем непосредственного личного взаимодействия без существенных количественных элементов, однако же в полностью децентрализованной манере. Логика диктует интерпретацию: это независимые, автономно функционирующие коммуны по образцу изолированных социалистических общин, которые были распространены в Соединенных Штатах в XIX веке. Они почти не взаимодействуют друг с другом, поскольку для этого потребовалось бы задействовать либо какой-то центральный аппарат (низ рисунка), либо какие-то рынки (левая сторона рисунка). Таким образом, у нас есть модель автономных, анархистских коммун. Скорее всего, у них не так много сторонников, даже среди анархистских мыслителей; позиция на рисунке, по сути, является меткой-заполнителем для аналогичных концепций.

Осталось еще два серьезных претендента. Двигаясь от «анархистских коммун» вверх по рисунку, мы сталкиваемся с чисто качественной/вербальной моделью в сочетании с промежуточной централистской/децентралистской организацией, которая представляет собой модель «планирования на основе участия

дальше, тем больше становится непосредственной производительной силой⁶. Поэтому в предложенной выше модели *к реальному сектору экономики относится не только материальное производство, но и креатосфера* (образование, здравоохранение, культура, социальная работа и т.д.). Как таковые они противостоят бесполезному (превратному) сектору, который, следуя терминологии В.Т. Рязанова, можно было бы в этом контексте назвать «нереальным» (Рязанов, 2016).

Третий. Предложенное выше структурирование существенно отличается от того, что разработано Марксом и отражено во II томе «Капитала», где выделение двух подразделений общественного воспроизводства служило важной предпосылкой решения проблемы определения важнейших пропорций капиталистического воспроизводства. Предложенное нами деление нацелено на решение другой проблемы: *выделения сфер общественного производства, играющих качественно различную роль в общественно-экономическом развитии.*

В дальнейших работах автор постарается показать, что креатосфера становится важнейшим «подразделением», обеспечивающим в современных условиях прогресс производительных сил, беря на себя ту функцию, которую во времена Маркса выполняло I подразделение общественного воспроизводства (сфера производства средств производства); *опережающее развитие креатосферы чем дальше, тем больше будет определяющим условием ускорения прогресса производительных сил и Человека*, играя ту роль, которую когда-то играло производство средств производства. Выделение бесполезного (превратного) сектора служит решению той же задачи, позволяя выделить ту сферу, которая тормозит развитие. При прочих равных условиях можно зафиксировать закономерность: *чем больше размер*

⁶«Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» (Маркс, 1969: 215).

и доля бесполезного сектора, тем сильнее тормозится социальный прогресс.

Подытожим. Предложенные выше гипотезы позволили показать только некоторые из многих возможных направлений развития теории воспроизводства, созданной автором «Капитала». Более того, это всего лишь гипотезы, дополняющие наши с А.И. Колгановым более широкие и глубокие разработки, представленные в «Глобальном капитале». Но эти две гипотезы, как представляется, весьма важны, ибо указывают на два из спектра возможных направлений реформирования – о революциях мы в данном тексте речь не ведем; мы отсылаем читателя к другим работам (см., напр.: *Славин и др., 2017*) – позднего капитализма с целью его хотя бы частичной переориентации на социальные, экологические и гуманитарные приоритеты, с целью его социализации.

Среди таких шагов по количественно измеряемой социализации капитализма, напомним, было выделено повышение доли производства общественных благ, снижение уровня социальной дифференциации и сокращение бесполезного сектора.

Литература

Бузгалин А.В. (2017). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43-53.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2018). Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 4-е. М.: ЛЕНАНД.

Бузгалин А.,В. Колганов А.И. (2005а). Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 36–55.

которых физические лица могут размещать средства, осуществляя распределение инвестиций между фирмами. Единственное возражение Ремера против капиталистических рынков состоит в том, что они порождают наследование и, следовательно, накопление богатства; для решения этой проблемы он придумал отдельную денежную единицу для покупки акций, срок действия которой истекает со смертью владельца, после чего она возвращается в государственный фонд.

Это наиболее полная визуализация социалистического (т.е. не капиталистического) общества, в котором господствуют рынки. В противоположность этому, рыночный социализм, находящийся на количественном экстремуме, на полпути между централизмом и децентрализмом по вертикали – то есть, в центральной левой позиции на рисунке – может отражать либо классические рыночно-социалистические взгляды (Ланге и Тэйлор, 1938), либо взгляды авторов недавних работ, таких как Томас Вайскопф и Дэвид Швайкарт (Вайскопф, 1992; Швайкарт, 1996). В работе Ланге и Тейлора фирмы, производящие товары народного потребления, следуют простым рыночным императивам согласно ортодоксальной микроэкономической теории: они максимизируют прибыль, стремясь обеспечить такие объемы выпуска продукции, при которых предельная себестоимость была бы равна цене. Фирмы, производящие промышленные товары, напротив, получают планы из центра. Такой двухсекторный дуализм определяет место соответствующей модели на середине вертикали. Швайкарт этот двухсекторный дуализм не признает, но он допускает публичное (т.е. государственное) определение инвестиционных приоритетов, и это объясняет его положение его варианта рыночного социализма со «смешанной экономикой» слева посередине.

Отметим недавнее предложение: вики-бюджетирование. Эта идея является относительно новой (см. Лазу, 2014), и мое описание следует рассматривать как весьма условное. Предложение основано на онлайн-энциклопедии Wikipedia, где статьи написаны добровольцами и могут редактироваться любым пользователем. «Идея вики-бюджетирования заключается в том, чтобы цены централизованно устанавливались государством, а государственный бюджет управлялся по типу «вики», будучи полностью открытым

«В системах советского типа имела место лишь частичная реализация материальных балансов. Не существовало методов обработки информации, необходимых для полной реализации материальных балансов. Сейчас они существуют» (ср. Яблоновский, 2011). Эти авторы ссылаются на современные компьютерные технологии - пример развития производственных сил – способные «заново изобрести» *централизованное* планирование – составление планов предприятия путем инверсии огромных матриц (или эквивалентного метода), содержащих все необходимые коэффициенты. Этот подход сходу решает проблему критики «миллионов уравнений». Следует отметить, что Кокшот и Коттрелл являются специалистами в области компьютерных технологий, и их работы о потенциале современных информационных технологий при переосмыслении централизованного планирования достаточно подробны и конкретны. Их модель четко отражает пересечение полной централизации с полностью количественным регулированием.

Тезис, безусловно, важный. Огромные транснациональные компании, которые появились в современной капиталистической экономике в результате десятилетий роста, используют электронные сети (интранет) для управления организациями, которые в некоторых случаях имеют размеры небольших стран. Есть все основания полагать, что эти информационные технологии могут быть помещены в социалистический контекст и могут развиваться в нем; при этом препятствия для их полного потенциального применения, создаваемые капиталистической стихией и антагонистическими отношениями, будут преодолены.

В децентралистом и количественном экстремуме (внизу слева) количественное определение результатов следует интерпретировать как стихийное и непланируемое; ясно, что это позиция сторонников рыночного социализма. Государственные предприятия и даже частные лица призваны действовать в собственных интересах и взаимодействовать *посредством* рынка, самостоятельно определяя и цены, и количественные результаты. Возможно, наиболее экстремальным вариантом данной позиции является позиция Ремера (1994), при которой рынки охватывают не только потребительские и промышленные товары, но и сами предприятия. В его модели присутствуют и фондовые рынки, на

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2005b). Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 3–25.

Мамедов О.Ю. Десять классических принципов политико-экономического анализа // Вопросы политической экономии. 2015а. № 1. С. 38-47.

Мамедов О.Ю. Методология современного политико-экономического анализа (язык экономико-теоретического исследования) // Вопросы политической экономии. 2015b. № 2. С. 10-13.

Маркс К. (1960). Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат.

Маркс К. (1969). Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Политиздат.

Пороховский А.А. (2016). Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. № 4. С. 8-22.

Рязанов В.Т. (2015). Политическая экономия и ее аналитические возможности: проверка теоретической модели кризисов // Вопросы политической экономии. № 2. С. 25-38.

Рязанов В.Т. (2016). (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России. М.: Экономика, 2016.

Славин Б.Ф. и др. (ред.) (2017). Вершина великой революции. М.: Алгоритм.

Хамидов А.А. (2009). Путь открытия или открытие пути: философские искания Г.С. Батищева // Хамидов А.А. Генрих Степанович Батищев /Под ред. В.А. Лекторского. М.: РОССПЭН. С. 11-242.

Jameson F. (1991). Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press.

Mandel E. (1975). Late capitalism. London: Humanities Press.

**Борис Гувен,
аспирант кафедры экономики Университета Массачусетса
в Амхерсте**

**Продуктивное государство, технологические изменения
и теория социальных структур накопления:
на пути к новой интерпретации¹**

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара... Каждая полезная вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития... *Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность* (Маркс [1867] 1992, 125; курсив наш).

В наши дни широко распространено мнение, что мы живем в эпоху разрушительных (информационных и коммуникационных) технологий (ИКТ). По мере того, как эти технологии разрабатываются и интегрируются во все большее число бизнес-моделей, в обычном бизнесе происходят значительные сбои: действующие фирмы или предприятия постепенно теряют свою рыночную долю (сбои на товарных рынках); рабочие, в свою очередь, теряют работу, но новые рабочие места, создаваемые разрушительным бизнесом, использующим новые технологии, не могут компенсировать потерю работы (сбои на рынках труда); поскольку многие новые технологии создают новые навыки или требуют их наличия, работники со старыми навыками уязвимы

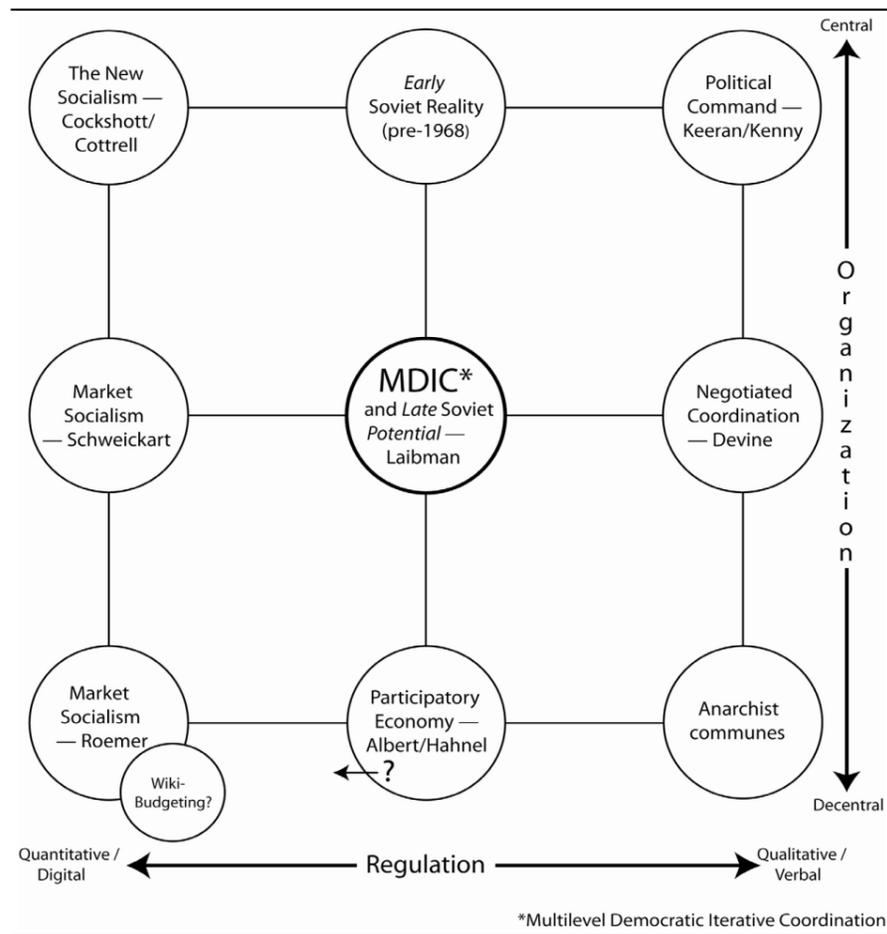
¹Эта статья была написана для семинара «Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы», организованного Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте в Кембриджском университете, где 27 октября 2018 года была организована презентация под названием «Концептуализация инновационного государства в контексте марксизма».

распада СССР. Это позиция Кирана и Кенни (2004 г.); они винят преемников Сталина – сперва Хрущева, а затем Горбачева – в том, что те допустили ослабление центрального контроля партии и впоследствии зарождение центробежных сил, которые в конечном счете привели страну к краху. Неявная концепция социализма в рамках этого исторического аргумента является концепцией центрально-политического управления, т.е. на рисунке она располагается в точках централистского и качественного экстремумов. Я не претендую на попытку оценить силу каждой модели на рисунке исходя из числа ее приверженцев, но я подозреваю, что данная позиция не из числа наиболее распространенных.

Двигаясь влево вдоль верхнего ряда, мы попадаем в верхне-центральное положение, которое сочетает в себе высокую степень централизации и смесь количественного и качественного регулирования. Кажется, это весьма наглядно описывает *раннее* советское планирование, которое, вероятно, можно приурочить к периоду до издания Закона о предприятии, принятого Советом министров СССР в 1968 году. В предшествующий период советское планирование строилось, по существу, на командной вертикали; отсутствовали необходимые технические и человеческие ресурсы для массового делегирования функций планирования, которое было предпринято после 1968 года. Однако планирование в этот ранний период включало в себя систему «материальных балансов» - общехозяйственного количественного учета структуры затрат и результатов, систему плановых цен для осуществления координации и оценки в государственном секторе, а также (разумеется) систему качественного, политического контроля; данное сочетание объясняет размещение этой модели в середине диапазона «регулирования». Насколько мне известно, никто не отстаивает эту позицию в качестве модели будущей социалистической организации, кроме как в смысле предсказания о том, что что-то подобное может временно возникнуть в разных местах на определенном историческом этапе, который придется преодолеть.

Однако в левом верхнем углу мы сталкиваемся с имеющимся предложением. Это модель, предложенная Полом Кокшоттом и Аллином Коттреллом (1993, 2002, 2012), которую они называют «новым социализмом». Их основной тезис следующий (2002, 55n):

Рис. 4. Модели социализма: классификация.

Справа сверху крайняя централизация сочетается с неколичественным (политическим) принятием решений. Это модель политического руководства, косвенно поддерживаемая авторами, которые считают утрату центрального политического контроля Коммунистической партией Советского Союза основной причиной

перед новыми технологиями, поскольку их вытесняют машины, роботы и программные продукты в различных сочетаниях; следовательно, происходит размывание диапазона навыков, поскольку рабочие места, требующие средней квалификации (?), вытесняются рабочими местами с высокой квалификацией; неравенство в заработной плате и доходах также растет, поскольку вознаграждение, объективно (?) основанное на уровне квалификации работника, обесценивается; существующие концепции коммуникации, демократии, прозрачности и т. д. выглядят устаревшими или несовершенными². Политические институты, в основном государственные, в свою очередь призваны смягчить или обратить вспять эти разрушительные последствия новых технологий; реализовать универсальный базовый доход для борьбы с растущим неравенством доходов; поощрять и/или субсидировать фирмы для подготовки рабочих к новым условиям работы, требующим более высокой квалификации и т. д.

Учитывая важность и дискурсивность момента, рассмотрим более подробно социальные условия, которые лежат в основе появления новых (важнейших) технологий, существование которых принимается как данность в рамках привычных и неортодоксальных методик в экономической науке и политической экономии. Появление важнейших технологий, стимулирующих экономический рост, само по себе не может рассматриваться как отдельная область. Оно должно быть поставлено в более широкий экономический и социальных контекст с упором на воспроизводство подходящих условий для накопления капитала и специфическую динамику, которая присуща логике развития технологических изменений. В то время как я отвергаю однозначное совпадение между этими двумя явлениями, я утверждаю, что первое имеет первостепенное значение для второго. Затем я сперва даю определение технологическим изменениям, ставлю проблему их возникновения в капиталистической экономике и предлагаю концепцию технологического решения (technological fix) для накопления капитала. Далее я критически рассматриваю некоторые важные работы, в которых изучается связь между государством и накоплением капитала в целом и появлением важнейших технологий

² Не так давно ИКТ считались панацеей от болезней общества.

в частности. Затем я обсуждаю концепцию государства в теории социальных структур накопления (ССН), указывая на ее слабость, заключающуюся в признании технологического решения. Наконец, я утверждаю, что теория ССН может быть плодотворно расширена, если принять во внимание вспомогательную роль так называемых продуктивных госаппаратов в технологическом решении для накопления капитала.

Определение технологических изменений

Технологические изменения (ТИ) заключают в себе фактическое расширение технических знаний. В этом отношении данный термин означает не только перестройку или переоснащение трудового процесса с использованием машин, инструментов, оборудования, программного обеспечения и т.д., но и получение новых знаний, связанных с производством различных продуктов (потребительских или промышленных товаров). Я рассматриваю технологические изменения как сочетание инноваций в производственных процессах (механические, химические или биологические процессы с соответствующими им новыми и/или улучшенными товарами для производителей) и инноваций в продукции (новые и улучшенные продукты и услуги различных видов) в той мере, в какой все они отражают использование фактически расширенных или улучшенных технических знаний.

ТИ могут ассоциироваться с экономией труда или капитала в производстве под влиянием относительных цен, потребностей в материалах и стремления к прибыли. Это может привести к возникновению или поддержке новых маркетинговых методов и организационных изменений, включая изменения в разделении труда (различия между работой в цеху и административной работой, режимом работы в Uber и работой в обычном такси) и изменения в самом процессе труда (различия между практикой розничной торговли Amazon и работой традиционных ритейлеров). ТИ тесно связаны с инновациями в целом, что в более широком смысле означает новые способы работы, которые могут потребовать (а могут и не потребовать) использования более современных технологических знаний.

очередь, создает прочную основу для подлинного планирования на микроуровне, и это является основой для достижения одной из самых заветных целей социализма: вовлечение все большего числа трудящихся в осознанное и разумное участие в планировании – превращение их, по сути дела, в *заинтересованные стороны общества в целом*, в эффективных собственников общественных средств производства.

2. МДИК и другие модели: деление на подвиды или синтез?

Отталкиваясь от модели МДИК, я могу охарактеризовать некоторые из недавних предложений, касающихся «социализма XXI века», которые в последнее время приобрели популярность.

1) Модель моделей

Я разработал концептуальную схему – см. рисунок 4 – предназначенную для создания координатной сети, в рамках которой можно сравнивать различные рабочие модели социализма. Вертикальная ось измерения на рисунке 4 справа с пометкой «организация» отражает полярную противоположность *централизованных* и *децентрализованных* организационных форм – централизованные формы располагаются сверху, а децентрализованные – снизу. Горизонтальная ось на рисунке, с пометкой «регулирование», представляет собой диапазон значений между крайним слева «количественным/цифровым» и крайним справа «качественным/вербальным». После этого вступления мы можем начать наш обзор рисунка 4. Этот обзор включает в себя характеристику основных свойств некоторых существующих моделей, альтернативных МДИК, и здесь я должен сделать *оговорку*. На рисунке показаны крайние точки двух диапазонов (как отмечено выше), и для закрепления идей я поместил в эти крайние точки различные модели. Однако все пространство рисунка можно использовать для обозначения степеней акцентирования, а не крайностей.

Это весьма приблизительная картина многоуровневой системы итеративного планирования. Результатом конвергентного взаимодействия между различными уровнями (центр, предприятие) должен стать закономерный набор объемов выпущенной продукции, поставок и социальных мероприятий, который а) удовлетворяет основным требованиям экономической координации (в привычных терминах – расчистка «рынков» или выравнивание спроса и предложения); б) приводит к установлению объемов и форм инвестиций (с разделением ответственности между предприятиями и центральными органами), отражающих принципиальные цели экономического роста и развития; и с) поступательно воплощает в себе демократически развивающиеся представления о формировании социальных отношений и отношений между человеком и природой в целом.

В недавней работе (Лейбман, 2011) показано, что в системе такого рода у предприятий имеются значительные стимулы для поиска, открытия, а затем и опубликования своих наивысших возможностей (известных только самому предприятию и его различным коллективам), которые фактически полностью сводятся к результату «высказанной истины» (truth-telling result) в той мере, в какой передовые технические и социальные качества производственной системы требуют наличия квалифицированных и высокомотивированных работников обладающих значительной осмотрительностью и ответственностью. Таким образом, дан предварительный ответ на теорему невозможности, предложенную некоторыми специалистами по разработке стимулов и утверждающую, что централизация-децентрализация как альтернатива центральному планированию (с одной стороны) и разобщенной децентрализации рынка (с другой) может привести только к искажениям, дезинформации и неэффективности (см. Гурвиц, 1972; Кэмпбелл, 1995).

Система МДИК, в первую очередь, требует, чтобы *оба* уровня итеративного процесса, как центральный, так и децентрализованный, работали эффективно. Это явный отказ от давнишнего дуализма, который *противопоставляет* централизацию децентрализации. Передача инициативы планирования на местный уровень *усиливает* центральные координационные функции за счет предоставления им доброкачественной информации. Хорошая работа в центре, в свою

Текущее определение ТИ со ссылкой на технические знания может показаться странным. В конце концов, можно сказать, что с появлением и распространением ИКТ мы перешли к экономике, основанной на знаниях, где производство и выгодное использование кодифицируемых знаний на основе алгоритмов является ключом к экономическому росту и повышению уровня жизни. Хотя нельзя отрицать, что в таком понимании знания стали ключевой частью растущего числа предприятий, было бы неправильно думать, что производство и использование знаний есть процесс, уникальный для современного капитализма. Как показывает мое определение ТИ, они изначально основываются на открытии (сделанном благодаря систематическим усилиям или по воле случая), посвященном тому, как извлекать полезные эффекты или пользу из (осязаемых или неосязаемых) материалов/активов посредством труда³. Польза может извлекаться систематически только в том случае, если будут предприняты структурно ограниченные, но стратегически ориентированные человеческие усилия по производству знаний, проявлением которых является «огромное скопление товаров» в капиталистической экономике. Имея это в виду, мы можем изменить утверждение Маркса о том, что товары являются носителями меновой стоимости, основанной на общественном труде, следующим образом: товары (то есть каждый потребительский или промышленный товар, участвующий в процессе труда) воплощает в себе не только труд, но и технические знания⁴. Тем не менее, технические знания (технологии) не могут быть созданы *ex nihilo*.

³ Маркс был прав, когда утверждал, что не только потребительские, но и производственные товары приносят своим пользователям определенную пользу. В то время как цель производства при капитализме заключается в получении прибыли, что требует производства стоимости (или валоризации), которая участвует в рыночном обороте в качестве меновой стоимости, воплощенной в товарах, реализация стоимости требует наличия покупателей, которые готовы покупать товары, если те приносят пользу. Маркс предложил историкам изучать создание полезности, как следует из цитаты в начале. В настоящее время эту задачу нужно решить для изучения условий ТИ.

⁴ Непосредственно в связи с этим их производство с желаемой полезностью включает в себя навыки рабочих (будь то производственный рабочий, инженер или ученый). Таким образом, (повторное) производство последнего так же важно, как и производство первого.

Предприятия должны их произвести; приобрести посредством рынка или определенных внеэкономических институтов, или же похитить с помощью промышленного шпионажа. В любом случае их нужно откуда-то взять.

Воспроизводство накопления капитала в расширенном масштабе и технологические изменения

С точки зрения теории капитала, связь между воспроизводством накопления капитала в расширенном масштабе и ТИ может быть очень кратко изложена следующим образом. Капиталу, нуждающемуся в валоризации, необходим труд для производства стоимости. То есть капитал нуждается в рабочих, готовых продать свою рабочую силу (в этом исток проблемы первоначального накопления). Капиталист покупает рабочую силу, производящую товары, в которых заключена меновая стоимость. В процессе труда работники производят большую стоимость, чем та, что им нужна для самовоспроизводства (проблема контроля и валоризации труда). Продажа капиталом товаров на рынке приводит к реализации стоимости в виде прибыли (проблема платежеспособного спроса или реализации). Прибыль затем реинвестируется в дальнейшее накопление (проблема поглощения прибавочной стоимости). Владельцы капитала и управляющие не просто увеличивают производство, чтобы увеличить свою прибыль. Конкуренция между отдельными капиталистами и конфликт между трудом и капиталом по поводу темпов, продолжительности рабочего дня и уровня заработной платы, а также потребность реинвестировать накопленную прибыль заставляют владельцев и управляющих корпораций или предприятий сокращать расходы. Для сокращения расходов руководители могут прибегнуть к ограничению роста заработной платы по отношению к росту производительности труда или, если это возможно, к простому снижению ставки заработной платы. Масштаб этих мер зависит от баланса сил между управляющими и работниками. Аналогичным образом увеличение темпов труда ограничено тем же барьером. Даже если удастся ограничить рост заработной платы и увеличить темпы работы, конкуренция между отдельными капиталистами

остальное, является постоянным объектом изучения (источник, из которого я позаимствовал уравнение (1) – Пикерсгилл, 1974). Показатель активности предприятия, x , теперь разделен на две категории: плановая (x_a) и фактическая (x_p). Каждая из них является комплексной и включает в себя все факторы оценки, описанные в предыдущем разделе; их не следует путать с простым показателем «объема производства», как это безусловно делалось при ранних опытах социалистического планирования. Различия теперь проводится между планом предприятия и его заявлениями как в адрес руководящих центральных органов, так и общественности, с одной стороны, и фактическим результатом его деятельности за определенный период планирования (скажем, за один год), с другой.

Вознаграждение предприятия R может быть записано следующим образом:

$$R = ax_p - b(x_p - x_a)^2 \quad (1)$$

Первый член справа говорит о том, что вознаграждение прямо пропорционально амбициозности плана, x_p с коэффициентом $a (> 0)$, определяющим силу данного эффекта. Во втором члене, однако, из планового результата вычитается определенная величина, а сила воздействия определяется коэффициентом $b (> 0)$, в зависимости от того, отклоняется ли фактический результат, x_a , от планового, x_b , и насколько. Обратите внимание, что отклонение возведено в квадрат, так что и при $x_p > x_a$ (плановый результат превышает фактический результат предприятия, и поэтому план был нереалистичен), и при $x_p < x_a$ (плановый результат меньше фактического, что говорит о том, что план был занижен) квадрат разности является величиной положительной, и второй член уравнения (1) вычитается из R . По сути, предприятие должно быть оштрафовано за отклонения в любом направлении и (для данной формулы) на одну и ту же сумму. Для общего процесса планирования одинаково вредно, если предприятия заявляет заниженный план, чтобы затем его перевыполнить – что приведет к выработке незапланированной продукции, к непредвиденным результатам в области социальных показателей и т.д. – или если предприятие заявляет амбициозный план, а затем его не выполняет.

использована для формирования инвестиционных фондов предприятия, социальных фондов предприятия, а также фондов, определяющих переменную составляющую зарплат по каждому из рабочих секторов («бонусы»).

Достаточно плохая работа предприятия может оказаться затратной. Если, например, его работа по каждой из четырех социальных категорий заслуживает рейтинга 0,75, то результат расчета будет следующим: $102 + 10 [(0,75)^4 - 1] = 102 - 6,836 = 95,164$. При значении показателя 100, соответствующем нормальным платежам в фонды предприятия и заработной платы, это обеспечивает мощный стимул для улучшения. Само собой разумеется, что и предприятие, и его руководящие органы будут стремиться избегать ситуаций, в которых плохие результаты будут накапливаться, лишая предприятие средств для преодоления недостатков.

3) Функция вознаграждения: план и результат.

Предприятие получает доход для распределения среди персонала всех уровней – от высшего руководства до рядовых работников. Этот доход отражает как амбициозность плана предприятия, так и степень его выполнения – степень, в которой фактический результат совпадает с заявленным планом. Предприятие поощряется за амбициозное планирование: за использование всех своих творческих ресурсов и энергии для достижения наибольшего разумно возможного результата в течение данного периода планирования. Но вознаграждение значительно уменьшается, если предприятие либо перевыполняет, либо невыполняет план; таким образом, у него есть стимул для направления в центр реально выполнимых планов. При этом местные сведения используются в максимально возможной степени, и эти сведения воплощаются в заявленных планах, которые передают в центр реалистичную информацию. В результате, центр может эффективно осуществлять свои функции – ценообразование, координацию, вмешательство в целях регулирования на макроуровне – обеспечивая предприятиям реалистичную и стабильную среду для осуществления планирования и деятельности.

Вот простая формализация данной концепции; не утверждаю, что это единственно возможная формализация; она, как и все

(между владельцами/управляющими предприятий) означает, что им нужно сокращать расходы, выходя за рамки данных мер. Здесь обнаруживается косвенная причина необходимости технической модернизации производственного процесса, который дополнительно нуждается в новых и улучшенных средствах производства.

Здесь нужно отметить два момента. Во-первых, хотя Маркс начинает «Капитал» с анализа товара и весьма верного наблюдения, что богатство при капиталистическом способе производства – не что иное, как «огромное скопление товаров», которые должны обладать потребительной стоимостью, он едва касается проблемы создания технических знаний, которые приводят к появлению потребительной стоимости в виде пользы. Похоже, предполагается, что при наличии мощного встроенного стимула к получению прибыли капиталисты находят надежный способ решить эту проблему удовлетворительным образом. Если капитал не сталкивается с другими проблемами или, по крайней мере, до тех пор, пока этого не происходит, накопление капитала осуществляется в расширенном масштабе. Безусловно, Маркс углубляется в историческую эволюцию трудового процесса, объясняя ее развитием средств производства (см. также Браверман 1998). Тем не менее очевидно, что основная часть теоретических усилий марксистов посвящена проблемам того, как капитал контролирует труд на рабочем месте и за его пределами (формальное и реальное подчинение), что использует для этого (принуждение или добровольное согласие), как эволюционирует эта динамика, какова роль технологий в данном процессе и т.д.⁵ Я утверждаю, что создание технических знаний было признано само собой разумеющимся, и данная проблематика – в той мере, в какой она касалась условий для воспроизводства накопления капитала, – в значительной степени игнорировались.

⁵ В этом отношении различие, которое делает Джессоп между меновой стоимостью и потребительной стоимостью рабочей силы, очень важно. С точки зрения меновой стоимости рабочая сила может быть заменена средствами производства и является единственным источником стоимости. С другой стороны, с точки зрения потребительной стоимости рабочая сила должна обладать *общими и конкретными навыками как формами знаний* (см. Jessop 2002, 19-21). Второй аспект менее изучен.

Во-вторых, отчасти из-за центральной роли, отводимой методологии теории капитала, а отчасти из-за восприятия *капитала как отношения*, свойство новых и улучшенных/усовершенствованных товаров как носителей новых технических знаний и проявлений новой и улучшенной полезности было проигнорировано. В методологии теории капитала наибольшее внимание уделяется меновой стоимости товаров (будь то рабочая сила или другие товары), причем наличие потребительной стоимости предполагается, а мощное и четкое представление о капитале как об отношении (в отличие от представления о капитале как о вещи) аналогичным образом выделяет в нем свойство меновой стоимости с упором на условия успешного воплощения в товаре стоимости как абстрактного труда, причем наличие потребительной стоимости опять-таки предполагается.

Выполненный анализ показывает, что в той мере, в которой накопление капитала связано с созданием и продвижением (материальной) технологии, существует соответствие между состоянием технологии, потребительной стоимостью рабочей силы (то есть конкретными навыками трудящихся) и структурой занятости в экономике. Это не означает, что весь набор навыков, предоставляемых рабочим классом в любой момент времени, однородно отражает передовые технологии. Поскольку состояние технологий представляет собой набор разнородных технических знаний, материализованных в товарах промышленного назначения и средствах производства, то же самое относится и к квалификации рабочих. Таким образом, как только мы признаем, что технологии и технологические изменения являются ключевой частью накопления капитала, становится ясно, что они постоянно подпитываются (вос)созданием профессий. В связи с этим для успешного накопления капитала требуется не только подчинение труда капиталом, но и постоянное преобразование потребительной стоимости рабочей силы, связывающей воспроизводство первого с воспроизводством последней.

Однако мера эффективности x также формируется за счет второго члена уравнения, «социального показателя». Важнейшими составляющими этого последнего показателя являются параметры z_i – показатели качества работы предприятия в различных областях. Это числа в интервале от 0,5 до 1,5. Показатели степени, γ_i , придают разным z разным вес, определяемый социально-политическими процессами. Показатели z , характеризующие достижения в каждой из различных областей, с поправкой на их соответствующий вес, перемножаются. Общее влияние социального показателя (второй член уравнения x) характеризуется разностью этого показателя и единицы, как показано на рисунке. Поскольку различные значения z_i близки к 1 (находятся в интервале от 0,5 до 1,5), то средний показатель эффективности в каждой области ($z_i = 1$) приведет к тому, что разность будет равна нулю; социальный показатель не сможет изменять x , определяемый первым членом уравнения, т.е. основным показателем. Наконец, коэффициент β отвечает за величину социального показателя – отклонения произведения z от 1.

Фактический характер различных областей лучше пояснить примером (рисунок 3). В данном примере $\alpha = 2$ и $\beta = 10$. Имеется четыре параметра z ($i = 1, 2, 3, 4$), а все показатели степени γ_i для простоты принимаются равными 1. Четыре параметра z обозначены как «экология», «население», «солидарность» и «промышленность». Формула для определения x имеет базовый результат. Если $r = r_o$ и все $z_i = 1$, то $x = 100$; это значение показателя эффективности предприятия просто отвечает средним требованиям как в области основной деятельности, так и в области социальной. Предположим, что $r - r_o = 0,01$ и $z = (1,3, 1,2, 0,8, 1)$. Норма доходности была на один процентный пункт выше нормативного значения. Предприятие добилось хороших результатов в качественных областях «экология» и «население» ($z_1 = 1,3, z_2 = 1,2$), но отстает по «солидарности» ($z_3 = 0,8$). И оно точно соответствует средним нормам в области «промышленность» ($z_4 = 1$). Произведение четырех z равняется $(1,3)(1,2)(0,8)(1) = 1,248$. Тогда расчет выглядит следующим образом: $x = 100(1,02) + 10(1,248 - 1) = 102 + 2,48 = 104,48$. Это значение, по сравнению с базовым значением 100, будет использоваться для определения той доли излишка предприятия (превышения его прибыли над расходами, теперь включая и базовую заработную плату), которую оно удерживает у себя и которая затем может быть

его знаменатель – это запас ресурсов, кроме человеческих (с известной осторожностью мы можем использовать для них термин «капитал»), и этот запас может также содержать в себе такие элементы, как косвенно используемые в производстве на предприятии ресурсы социального обеспечения и образовательные ресурсы, являющиеся внешними по отношению к практике бухгалтерского учета фирм, существующих в атомистической рыночной экономике, капиталистической или иной. В-третьих, цены, в которых измеряются как потоки, так и запасы, являются плановыми ценами, рассчитываемыми с учетом долгосрочных горизонтов, критериев устойчивости и других факторов, которые недоступны субъектам стихийно-конкурентной («рыночной») экономики.

Норма доходности предприятия r сравнивается с нормативным показателем r_0 , который может отражать средние достижения по отрасли в целом, исторические достижения предприятия или некоторое их сочетание. Коэффициент α является параметром чувствительности, который устанавливает влияние на x отклонений r от r_0 . Если $r = r_0$ (предприятие достигло нормы доходности своей работы, точно соответствующей нормативному показателю), то $x = 100$; в других случаях, когда $r \neq r_0$, x отклоняется от 100 на величину, определяемую α .

Рис. 3. Простой пример показателя эффективности предприятия.

$$x = 100 [1 + 2(r - r_0)] + 10(z_1 z_2 z_3 z_4 - 1)$$

The diagram illustrates the components of the equation. It shows four variables: z_1 , z_2 , z_3 , and z_4 . Arrows point from the following terms to their respective variables: 'Ecology' points to z_1 , 'Solidarity' points to z_2 , 'Community' points to z_3 , and 'Industry' points to z_4 .

Технологическое решение?

Ниже я подробно покажу, что сам характер накопления капитала, полный конфликтов и противоречий, предполагает, что его осуществление и стабильность вообще не гарантированы и должны быть конституированы. На данном уровне абстрагирования, в свете предыдущего обсуждения, я утверждаю, что для валоризации капитал нуждается в механизме расширения технологических возможностей (т.е. эффективного роста технических знаний) независимо от того, в какой степени капитал способствует их возникновению и созданию. Это я и называю *технологическим решением*. В свою очередь, возникает вопрос о том, кто или что обеспечивает это технологическое решение и каким образом. Прежде чем углубляться в эти вопросы, стоит сравнить это решение с понятием *пространственно-временного решения*, разработанным Харви ([1982] 2006). Харви утверждает, что в условиях действия императива накопления ради накопления, когда капиталисты используют технологические изменения для извлечения все большей прибавочной стоимости, создается излишек капитала, который при этом нельзя использовать и реализовать в силу ограниченных возможностей производства и обращения. Отсюда возникает избыточное накопление капитала. Из проблемы перепроизводства капитала возникает необходимость устранения части капитала для установления равновесия между объемом капитала в обращении и возможностью его поглощения ради стабилизации нормы прибыли. Отсюда девальвация капитала (с. 191-192). Капитал также прибегает к пространственно-временному решению для обхода проблемы избыточного капитала, перемещая часть избыточного капитала в другое место и время. При этом капитал действительно смещает свои противоречия, проявляющиеся в виде избытка капитала, в пространстве и времени. Напротив, посредством технологического решения капитал начинает свой путь к «избытку капитала», поскольку он позволяет капиталу конституироваться материально (осязаемо или неосязаемо) и искать пути для накопления⁶. При этом он создает и помогает преодолеть проблему «избытка капитала».

⁶ Если рассматривать капитал как отношение, капитал – это не вещь, а отношение. С другой стороны, есть материальная сторона капитала, которая часто объявляется капиталом как вещь. Я утверждаю, что поскольку товары являются

Необходимое отступление: государство шумпетерианской конкуренции (ГШК) и государство сетевого развития (ГСР)

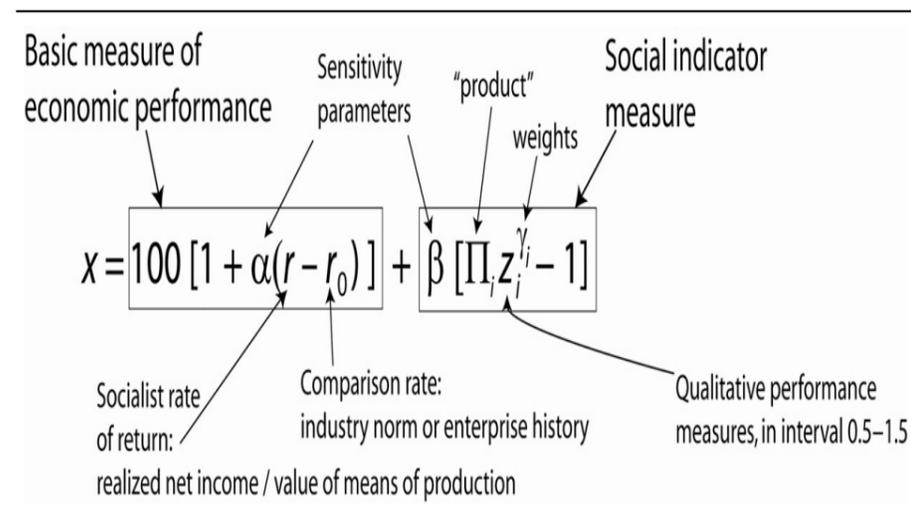
Здесь я рассматриваю две формы государства с точки зрения создания и развития технологий: государство шумпетерианской конкуренции (ГШК) и государство сетевого развития (ГСР). Также предлагается недавно введенный в оборот новый термин: предпринимательское государство (ПГ) (Маццукато 2013а). ПГ, однако, мало чем отличается от ГСР; с точки зрения основных аргументов речь идет скорее о предпочтении одного термина другому, чем об отдельной форме государства. Изучив эти формы государства, я предлагаю концепцию *продуктивных госаппаратов* для более комплексного осмысления государства и для обогащения теории ССН.

(1) Государство шумпетерианской конкуренции (ГШК)

Регуляционистский подход Джессопа к государству привел его к утверждению, что при смене режима накопления (РН), обусловленного способом регулирования (СР), меняются форма и функции государства. При этом образуется структурная связь между параллельной эволюцией РН-СР и формой и функциями государства. Например, образовалась структурная связь между атлантическим фордизмом (как этот автор называет режим накопления послевоенного периода в США, Великобритании, Западной Европе, Австралии и Новой Зеландии) с кейнсианским национальным государством благосостояния (КНГБ). Отличительный набор экономических стратегий КНГБ в условиях относительно закрытой национальной экономики включал в себя поддержку полной занятости, управление спросом и создание инфраструктуры для

носителями не только меновой стоимости, но и технических знаний, представленных частично или полностью как потребительная стоимость, капитал также следует рассматривать как материально или конкретно. Кроме того, поскольку потребители товаров потребляют их, они пожинают плоды технологий в полной или частичной осведомленности.

Рис. 2. Показатель эффективности МДИК-предприятия.

Чтобы сделать эту концепцию более доступной, я разработал выражение для измерения активности предприятия, x . Формула приведена на рисунке 2. Давайте рассмотрим ее компоненты: x – это, как уже было сказано, общая оценка работы предприятия за данный период; она равняется сумме двух компонентов: $100 [1 + a(r - r_0)]$ (основной показатель экономической эффективности) и $b[P_i z_i^{si} - 1]$ (социальный показатель).

В первом из членов уравнения мы видим переменные r и r_0 . r – норма доходности, которая имеет родовое сходство с нормами доходности или нормами прибыли в других контекстах (включая капиталистические). Но это отличный от других показатель с трех точек зрения. Во-первых, его числитель – это не прибыль или излишки за вычетом «издержек» на зарплату – заработная плата является важной частью жизненных средств рабочих – владельцев социалистической экономики, а вовсе не «издержками» или средством для достижения чьих-либо целей – а всей величиной чистого дохода, дохода сверх реальных затрат на элементы производства, не связанные с человеческими ресурсами. Во-вторых,

разработке продукции могут применяться значимые социальные временные горизонты; также, как отмечалось выше, для целей оценки могут использоваться полностью уместные в данном случае учетные цены. Фактически, поскольку предприятие сосредоточено на координации производства и детальной проработке ассортимента продукции, создание ценового вектора и управление им является важнейшей заботой центра.

Однако показатель активности также содержит набор *качественных* показателей или оценок эффективности; это нечто совершенно недоступное *любой* стихийной рыночной системе, не говоря уже о централизованном планировании. Например, ожидается, что предприятие будет объявлять о своих целях и будет оцениваться по степени достижения этих целей в таких областях, как повышение квалификации и уровня образования рабочей силы; преодоление унаследованного неравенства по расовому, гендерному и культурному признакам; достижение результатов в области охраны окружающей среды; разработка и реализация проектов по совершенствованию работы школ на местном уровне; распространение знаний, предназначенных для менее развитых предприятий и/или регионов; и так далее. В процессе оценки будут участвовать различные «заинтересованные стороны» – представители местного населения, представители общества в целом. Это, в свою очередь, подразумевает богатую концепцию социалистической собственности: предприятие является неделимой собственностью общества в целом, но при этом значительная доля ответственности делегируется представителям рабочего коллектива и различным заинтересованным группам из числа местного населения.

Итоговым показателем активности предприятия является взвешенное сочетание всех отдельных показателей, как количественных, так и качественных, которые представляют интерес для всего социалистического сообщества, от имени которого работает предприятие и чьи ресурсы оно контролирует.

обеспечения *массового производства* и *массового потребления*, которые занимали центральное место в устройстве атлантического фордизма. Его социальная политика включала генерализацию норм массового потребления посредством коллективных договоров и расширения прав социального обеспечения. Решения в области экономической и социальной политики принимались на национальном уровне. КНГБ также активно участвовало в производстве некоторых товаров и услуг и разрабатывало нормативные акты для устранения сбоев рынка, создавая смешанную экономику (Джессоп 1996; 2002, 55-94).

Когда атлантический фордизм (АФ) столкнулся с серьезными проблемами в 1970-х годах, что сделало его воспроизводство нецелесообразным, начали появляться элементы нового РН параллельно с развитием нового СР, включавшего в себя новую форму государства с новыми функциями. В отличие от АФ, вновь возникающий основанный на знаниях пост-фордистский режим накопления определяется:

а) новым трудовым процессом, включающим в себя гибкое производство с использованием гибких машин, который ориентирован на получение экономии за счет разнообразия продукции и использования сетевых методов в отличие от трудового процесса при АФ, обусловленного массовым производством на основе экономии за счет масштаба для снижения удельной себестоимости стандартизированных продуктов;

б) непосредственно связанной с (а) гибкой рабочей силой, которая гибко сочетает в себе способность выполнять работы, требующие множества навыков, а также неквалифицированные работы (при гибкой зарплатной политике, гибком графике, кадровой политике и аутсорсинге рабочих мест) в отличие от относительно негибкой и полуквалифицированной рабочей силы, необходимой для массового производства при АФ (т.е., совместно с (b), – новой технико-экономической парадигмой);

с) новым способом экономического роста, основанном на критикуемом (из-за растущей открытости и снижения структурной согласованности национальных экономик) благотворном круге, слагаемом из инновационного и гибкого производства, роста доходов квалифицированных работников физического и умственного труда и их растущего спроса на дифференцированные

продукты и не подлежащие экспорту услуги, а также из увеличения прибыли, получаемой от технологических и инновационных рент, полного использования гибких мощностей⁷, и реинвестирования этой прибыли в инновации и гибкое производство, что в конечном счете приводит к увеличению неравенства в доходах⁸;

d) новым способом регулирования, включающим в себя новую форму и функции государства (стр. 95-102).

Отмечая все эти изменения и их потенциал для реформирования государства, Джессоп, кажется, делает большой акцент на чрезвычайно возросшем конкурентном давлении из-за увеличения интернационализации и глобализации, которое он считает (вос)созданием «масштаба» как общественного отношения и арены общественных отношений для «легкого и быстрого переключения» между инновационными потребительскими и промышленными товарами, которые обладают новыми и улучшенными качествами (стр. 116-126). В сочетании с производственными требованиями экономики, основанной на знаниях, эта резкая подвижка, произошедшая в результате международной конкуренции, переориентировала экономическую и социальную политику государства на содействие повсеместным инновациям (в области поиска источников, разработки технологий, продуктов и процессов, в области организации и маркетинга).

Государство [шумпетерианской] конкуренции участвует в сборе технологической информации, помогает создавать независимые технологические мощности и продвигает инновационные возможности, техническую компетентность и трансферт технологий, чтобы как можно больше фирм извлекло выгоду из новых технологических возможностей, созданных в результате исследований и разработок, проводимых в тех или иных отраслях экономики. Оно развивает, во-первых, институты и структуры, которые поддерживают предпринимателей, существующих и потенциальных; во-вторых, учреждения и

⁷Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что коэффициент использования предположительно гибких мощностей был значительно ниже максимального значения.

⁸Здесь мы также наблюдаем технологические корни роста неравенства доходов.

5.	C → A → B		I	II	$20 \times 50 + 30 \times 60 = 2800$ $30 \times 60 = 1800$ $20 \times 30 = \underline{600}$ 5200
		A	20	30	
		B		30	
		C	20		
6.	C → B → A		I	II	$50 \times 60 = 3000$ $20 \times 20 + 10 \times 60 = 1000$ $20 \times 30 = \underline{600}$ 4600
		A		50	
		B	20	10	
		C	20		

Ясно, что один из указанных вариантов является наилучшим – номер 4 с порядком контракции $B \rightarrow C \rightarrow A$ и минимумом общего количества единиц-милль 4400. На самом деле, возможно, что какой-то другой вариант, отличный от любого из вариантов, самопроизвольно возникающих в результате самостоятельного заключения контрактов магазинами, мог бы быть еще лучше. Но без руководства центра, обладающего способностью выполнить полный расчет по линейному программированию, существует лишь один шанс из шести, что будет выбран хотя бы наилучший из шести стихийно рожденных вариантов.

2) Показатель активности предприятия.

Основным компонентом МДИК-социализма является *показатель активности предприятия*, который является объектом планирования, средством оценки и основой для формирования дохода предприятия. Этот показатель, что очень важно, имеет несколько компонентов. В рыночных системах (капиталистических или иных) он сводится к единственной величине, как правило, к норме прибыли или норме доходности активов, которые находятся во владении (в собственности) у данной единицы. При МДИК-социализме мы также можем представить себе единую норму прибыли, которая сосредоточит в себе все *количественные* аспекты показателя активности. Однако принципы, на которых будет основан этот показатель, будут иными. Доходность может быть связана с большим количеством активов, в том числе находящихся за пределами предприятия; при оценке инвестиций, проектировании и

минимальным. Если стоимость единицы-мили везде одинакова и постоянна, нахождение наименьшего количества единиц-миль эквивалентно минимизации транспортных расходов. Результатом решения может быть любой из шести вариантов, показанных в таблице 1.

Таблица 1.

Минимизация миль-единиц транспортных расходов:
две фабрики, три розничных центра распределения
(«магазины»)

	Порядок заключения контракта	Матрица распределения		Расчет единиц-миль
1.	A → B → C	I A B C	II 40 30 20	$40 \times 50 + 10 \times 60 = 2600$ $30 \times 60 = 1800$ $20 \times 50 = \underline{1000}$ 5400
2.	A → C → B	I A B C	II 40 30 20	$40 \times 50 + 10 \times 60 = 2600$ $30 \times 60 = 1800$ $20 \times 50 = \underline{1000}$ 5400
3.	B → A → C	I A B C	II 10 30 20	$10 \times 50 + 40 \times 60 = 2900$ $30 \times 20 = 600$ $20 \times 50 = \underline{1000}$ 4500
4.	B → C → A	I A B C	II 50 30 10	$50 \times 60 = 3000$ $30 \times 20 = 600$ $10 \times 30 + 10 \times 50 = \underline{800}$ 4400***

структуры, которые поддерживают необходимый предпринимательский климат. Данные меры включают в себя предоставление венчурного капитала, субсидий, бизнес-парков, механизмов трансферта технологий и технической помощи, инвестиций в производство знаний через публичные или локально-ориентированные научно-исследовательские и опытно-конструкторские консорциумы, отраслевые сервисные центры, местные и региональные фонды развития и политику государственных закупок (стр. 127-128).

В дополнение ко всем этим вмешательствам в экономику со стороны предложения государство также придает приоритетное значение соображениям международной конкурентоспособности и гибкости на рынках товаров и труда при реализации им социальной политики (стр. 126). Короче говоря, ГШК разрабатывает все виды экономической и социальной политики для поддержания конкурентоспособности не только капитала, но и работников, и всего общества по отношению к капиталам и обществам, базирующимся в других локациях. Как таковая, глобализация представляет собой еще один шаг в увеличении *экологического доминирования* накопления капитала (стр. 113-118).

Подводя итог, можно сказать, что регуляционистский подход Джессопа к государству приводит к признанию так называемых непосредственных функций государства, лежащих в основе производства стоимости, поощряя инновации в продуктах и технологических процессах и повышение квалификации, но при этом к ассоциированию их лишь с конкретным (пост-фордистским) режимом накопления и конкретной формой государства (ГШК). Хотя это явное улучшение с точки зрения духа регуляционистского подхода, и существенный с точки зрения инноваций сдвиг в модальности вмешательства государства в экономику действительно может произойти с течением времени и переменой места, сравнение КНГБ и ГШК свидетельствует о наличии исторического компромисса, который отводит государству роль менеджера по спросу при атлантическом фордизме и роль промоутера продуктов и рынка в пост-фордистской экономике, основанной на знаниях, и, следовательно, игнорирует доминирующую роль, которую государство играло в истории капитализма в области стимулирования и развития технологических изменений

(производства знаний) и товарного производства. Оно упускает из виду тот самый регуляционистский тезис, что воспроизводство накопления капитала все время нуждается в сдерживании и регуляризации противоречий и дилемм, включая (по моему мнению) производство знаний, а ведь знания производятся не только капиталом. Фактически, учитывая общественный характер знаний, значительные затраты, связанные с их производством, и крайнюю неопределенность процесса НИОКР, капитал не может сам по себе производить технические знания. Следовательно, ему необходимо *технологическое решение*, которое должно быть обеспечено внеэкономическими институтами (будь то частные, государственные или смешанные)⁹.

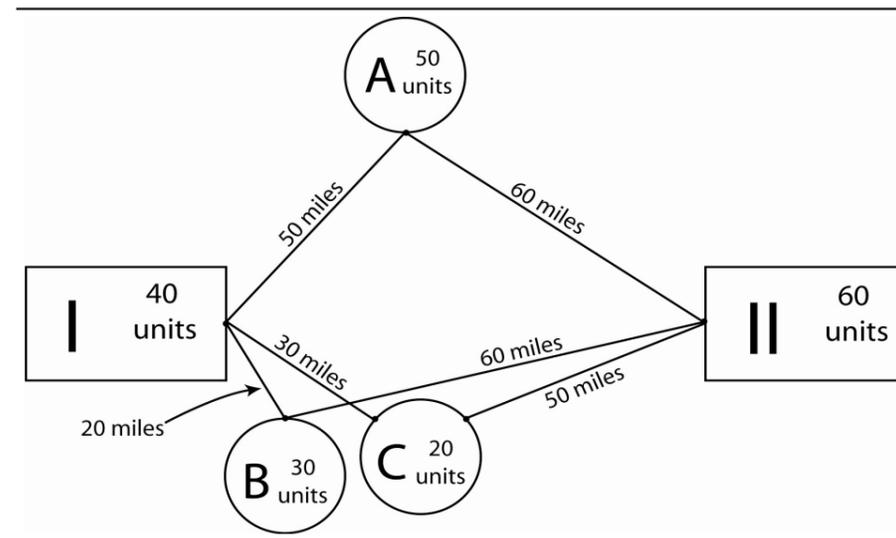
Во-вторых, данные о трудовой динамике не подтверждают предполагаемую роль повсеместных вмешательств для генерации инноваций. Если бы они действительно имели место, мы бы наблюдали *исторически высокий* уровень «сбоев» в создании и исчезновении профессий. Это говорит о том, что, несмотря на все дискурсивные усилия по продвижению инноваций во всех отраслях экономики, в период, предшествовавший пост-фордистскому и основанному на знаниях режиму накопления был зафиксирован более высокий показатель инновационного потенциала. Встает вопрос о том, почему это произошло, если государство просто управляло спросом в послевоенную эпоху.

В-третьих, в то время как растет производство и использование приобретающих все более цифровой характер информации и знаний для получения прибыли, из-за слишком большого акцента на этом мы упускаем тот факт, что знания как пояснительная информация почти всегда являются ключевым элементом производства товаров, которые должны обладать потребительской стоимостью. Нельзя ожидать, что любые небольшие

⁹ Позже я покажу, что этот фундаментальный момент либо пропущен, либо недооценен многими левыми, что ведет к летаргии в выработке представлений о новом прогрессивном будущем. Попутно отмечу, что необходимо увидеть, насколько универсальным является продуктивное участие государственных органов в функционировании капиталистической экономики: оно не уникально для ряда капиталистических экономик, таких как восточноазиатские тигры, но характерно почти для всех экономик в той степени, в какой оно получило развитие!

Это явно требует иллюстрации. Поясню на примере так называемой «транспортной проблемы», которой занимались в советское время и которая привела к возникновению области линейного программирования (например, Канторович, 1965).

Рис. 1. Простая проблема сетевого потока.

Данное пояснение касается отношений между двумя производственными центрами («фабриками») и тремя розничными распределительными центрами («магазинами»). Фабрики имеют обозначения I и II, магазины – A, B и C. Географически они расположены друг относительно друга, как показано на рисунке 1. Фабрики производят один однородный продукт, и магазинам безразлично, какая из фабрик является поставщиком. Более того, для простоты опять-таки примем, что общий объем предложения продукта (40 единиц от I и 60 единиц от II) равен общему спросу (по данной цене) в магазинах (50 + 30 + 20). Проблема: как организовать распределение продукции двух фабрик по трем магазинам таким образом, чтобы количество единиц-миль, пройденных транспортом по железнодорожным линиям, обозначенным в виде прямых линий, соединяющих I с A, B, C и II с A, B, C на рисунке, было

1) Роль центра в многоуровневой координации.

Одной из жизненно важных задач центра является ценообразование. Хотя подробное изложение этого аспекта социалистического централизованного планирования выходит за рамки данной статьи, я просто выскажу свое мнение, что зрелая социалистическая экономика должна разработать систему *цен общественного воспроизводства* – набор эталонных цен, организованных по основному принципу определения и расчета единой нормы доходности или прибыли, а также уникального метода определения и измерения соответствующих ресурсных запасов («капитала»), задействованных в каждом секторе производства.

Вторая проблемная область для центра – управление некоторыми общими целями и ограничениями, которыми, в силу их природы, не могут заниматься местные единицы, действующие независимо друг от друга. Здесь речь идет о таких вещах, как недопущение экстремальных ситуаций в области экологического равновесия и использования ресурсов. Если имеется общественная цель, например, поддерживать выбросы углекислого газа ниже критического уровня с целью предотвращения и обращения вспять глобального потепления, то у отдельных предприятий нет возможности узнать, какой вклад вносят их собственные планы в достижение этой цели. Центр может оказаться не в состоянии заранее установить налоги на выбросы углерода или количественные ограничения таким образом, чтобы удовлетворить потребности отдельных предприятий с различными ситуациями и требованиями; достижение цели может оказаться возможным лишь в рамках центрального плана.

Наконец, существует бесчисленное множество проблем оптимизации, которые требуют централизованного вычисления и не могут быть решены за счет стихийных инициатив самостоятельно действующих местных единиц. В целом, для современной экономики справедлив следующий тезис: крупнейшее заблуждение, которое необходимо преодолеть, заключается в том, что социальная эффективность – это просто сумма многочисленных местных проблем эффективности, так что стихийный личный интерес на микроуровне всегда можно приспособить для задач социальной оптимизации.

изменения в производстве будут обязательно приводить к созданию потребительной стоимости и, таким образом, к накоплению вспомогательного капитала. Поэтому я предлагаю сформулировать проблему пользы экономики, основанной на знаниях, в качестве концепции для понимания «новой» экономики.

(2) Государство сетевого развития (ГСР)

Большая часть литературы мейнстрима практически ничего не говорит о критически важном пересечении государства, инноваций и рабочих мест. К счастью, появляются работы, в которых исследуется роль различных государственных мероприятий в области содействия инновациям, которые в конечном итоге не только расширяют технологические возможности, но и прокладывают путь к формированию новых рынков. Краткая классификация этих исследований с разделением их на два подхода поможет нам начать разговор на тему этих исследований и теории ССН. Один из подходов к пересечению государства и инноваций состоит в отслеживании мероприятий государства и ставит вопрос о том, что делает государство и как оно участвует в создании инноваций (Руттан 2006; Нельсон 1993; Келлер и Блок 2011; Блок 2008; Маццукато 2013а). Работа Блока (2008) особенно интересна, так как она основывается на представлениях последователей Поланьи, которые рассматривают государство в качестве важного агента при создании и развитии (новых) рынков. Блок утверждает, что в США имело место скрытое государство развития в форме различных правительственных действий, направленных на стимулирование важнейших технологических достижений и их коммерциализацию.

То, что создали Европа и Соединенные Штаты, представляет собой нечто совершенно иное, называемое государством сетевого развития (ГСР) [в отличие от государства бюрократического развития (ГБР), появившегося в некоторых странах Восточной Азии]. Основной задачей ГСР является помощь фирмам в разработке еще не существующих продуктов и технологических инноваций, таких как новые программные приложения, новые биотехнологические лекарства или новые медицинские инструменты. При этом старая японская модель в целом неактуальна, поскольку отсутствует международный лидер,

которому фирмы могли бы подражать. Более того, фирмы уже имеют сильные стимулы для инноваций, поэтому маловероятно, что добавление государственных субсидий или стимулов окажет какое-либо дополнительное влияние. В отличие от ГБР, которое делает упор на стимулирование фирм, ГСР действует более «практично»: оно привлекает чиновников государственного сектора, работающих в тесном сотрудничестве с фирмами, к выявлению и поддержке наиболее перспективных направлений для инноваций.

Необходимой предпосылкой для [ГСР] является сообщество людей с высоким уровнем технологического опыта. Это требует предварительного осуществления крупных инвестиций в высшее образование и в производство научных и инженерных знаний. После создания механизмов получения опыта и новых знаний ГСР пытается сделать сформировавшееся технологическое сообщество более эффективным путем перевода исследований в реальный сектор производства. ГСР можно рассматривать как набор правительственных мероприятий, направленных на повышение производительности труда ученых и инженеров страны (там же, 172).

Несмотря на то, что усилия государства развития в США имеют долгую историю, утверждает Блок, эти усилия должны были сосуществовать с сильной рыночно-ориентированной традицией. Таким образом, государство развития должно было существовать, не выделяясь столь сильно, как в Европе или Восточной Азии. В послевоенный период оно пряталось в органах национальной обороны и безопасности, предоставляя государственное финансирование и инфраструктуру и играя таким образом «ключевую роль в создании таких технологий, как компьютеры, реактивные самолеты, гражданская ядерная энергия, лазеры и, в конечном счете, биотехнология» (174-175).

Известное подразделение Пентагона, Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA), было создано в ответ на запуск спутника Советским Союзом с целью финансирования технологий будущего (175). Эта практика продолжалась при создании геной инженерии в 1970-х годах, когда Национальные институты здравоохранения (NHS) играли аналогичную стимулирующую роль. Интересно, что, даже несмотря на то, что рыночная повестка начала доминировать в

В данной статье обрисована модель системы функционирующего социализма – модель, которая, по причинам, которые станут ясны позже, не получила столь широкой известности в дискуссиях западных левых, как некоторые ее конкуренты. Описание модели приведено в первом разделе. Во втором разделе она рассматривается в сравнении с некоторыми альтернативными моделями; также представлена «модель моделей», показывающая структурную связь между ними. Рассмотрен и вопрос о том, есть ли основа для синтеза – для формирования общего представления, которое смогло бы вдохновить, объединить и мобилизовать левых во всем мире. В заключение я кратко останавливаюсь на вопросе о связи модели с историческим опытом, в частности с опытом Советского Союза в XX веке.

1. Многоуровневая демократическая итерационная координация (МДИК)

Почти определяющий структурный дефект современной общественной мысли заключается в том, что, по-видимому, существует *два*, и только два, способа организации экономической деятельности: стихийный рынок, с одной стороны; и командная вертикаль, с другой. Некоторые утверждают, что только один из этих способов является рациональным, а другой ведет к крепостному праву (Хайек, 1944); другие полагают, что данные способы могут быть разумно объединены (кейнсианская «смешанная экономика» или современные представления китайских и кубинских экономистов; см. Ноув, 1983). И вот эта биполярная концепция настолько глубоко укоренилась, что даже социалисты в значительной степени оказались у нее в плену. И все же альтернатива *есть!* Вот она: система *многоуровневой демократической итеративной координации* (в дальнейшем – МДИК). МДИК отличается от *любой из трех предшествовавших ей форм* – рынков; центрального планирования; переговорной координации.

**Дэвид Лейбман,
профессор экономики (почетный) Бруклинского колледжа и
аспирантуры, Университет Нью-Йорка, редактор журнала
«Наука и общество»**

**Многоуровневая демократическая итеративная
координация
как альтернативная модель социалистической экономики**

В последние десятилетия в англоязычной литературе предлагались различные рабочие модели социалистической экономики. Одна из них – многоуровневая демократическая итеративная координация (МДИК) – пытается синтезировать в себе централизованные и децентрализованные организационные формы, а также количественные и качественные/политические способы регулирования. Модель МДИК предлагает систему итеративного планирования, уникальный функционал центрального уровня, комплексный показатель эффективности работы предприятия, функцию вознаграждения, с помощью которой поощряется как амбициозное планирование, так и реалистичное выполнение плана, а также поступательное развитие демократических качеств и навыков участия на всех уровнях и во всех контекстах регулирования. Ознакомившись в общих чертах с данными функциями, можно сделать вывод, что данная модель – в сравнении с другими методиками, осуществленном с помощью «модели моделей» – обладает наибольшим потенциалом синтеза важнейших идей, заложенных в других моделях. Она также отражает потенциал, который был присущ советской системе, но не был реализован из-за авторитарных и репрессивных искажений. Таким образом, модель МДИК также является призывом к восстановлению позитивных элементов советского опыта, а также к критическому воплощению достижений социализма XX века в проекте развития представлений о социализме XXI века.

политике правительства и роли государства в экономике в целом с конца 1970-х годов, в рамках усилий по повышению конкурентоспособности американских компаний на фоне проникновения японских фирм на рынки США и постепенного исчезновения промышленных рабочих мест в США, с 1980 года предпринимались многочисленные действия, в том числе ряд законодательных и исполнительных мер (законов и программ), специально направленных на укрепление технологического потенциала американских компаний, и большинство этих действий было предпринято при администрациях Рейгана и Буша-старшего (179). В частности, в годы Рейгана ARPA были выделены финансовые ресурсы для финансирования десятилетней Стратегической компьютерной инициативы для получения значительных результатов в области искусственного интеллекта, а чиновники ARPA задавали направления технологических изменений путем выявления технологических барьеров, которые было необходимо преодолеть, и путем одновременного финансирования конкурирующих групп с различными стратегиями и наращивания финансовой поддержки для тех, кто добился прогресса (таким образом, официальные представители ARPA были не более, чем «венчурными капиталистами из государственного сектора», как выразился Блок) (181)¹⁰.

Фактически существенная роль государства в содействии технологическим изменениям в американской экономике восходит к XIX веку. Как показывает Руттан (2006), роль государства, проявлявшаяся в действиях военных ведомств и вооруженных сил, была ключом к развитию американской системы производства, которая основывалась на взаимозаменяемых (стандартизированных) деталях, машиностроении и использовании машин, а также на массовом производстве.

¹⁰ Аналогичным образом была предпринята инициатива по созданию SEMATECH (консорциума из двенадцати полупроводниковых фирм) в 1987 году, когда ARPA вносила по 100 миллионов долларов в год в ответ на растущее влияние японских компаний. Проект «Геном человека» был запущен из бюджета Министерства энергетики (DOE), в который было включено финансирование федеральных лабораторий (проект был официально запущен в 1991 году совместными усилиями Национальных институтов здравоохранения и Министерства энергетики) (Блок 2008, 182).

Появление независимого машиностроения в США примерно в середине XIX века и массового производства в первые десятилетия XX века было прямым следствием инвестиций военного ведомства США в первой половине XIX века в изобретение вооружений, в разработку станков и в машинные методы производства (стр. 32).

Более того, как подробно показывает Руттан, так называемые военные и оборонные НИОКР и закупки сыграли важнейшую роль в инициировании и внедрении шести технологий общего назначения: взаимозаменяемых деталей и массового производства, военной и коммерческой авиации, ядерной энергии и электроэнергии, компьютеров и полупроводников, Интернета и космической промышленности. Все это возникло в полном объеме в послевоенный период.

Другой подход к пересечению государства и инноваций ставит вопрос о том, почему именно государство, а не отдельные фирмы или рынки делают возможными крупные инновации (Маццукато 2013b, 2016, 2013a). Неопределенность относительно будущей рентабельности, связанной с исследованиями в области инноваций, не позволяет частным рынкам выделять свои средства на исследовательские проекты, особенно в связи с большим количеством технологических неизвестных. Существует отрицательная связь между степенью технологической и рыночной неопределенности исследовательского проекта и готовностью частного рынка вкладывать в него средства. Более того, частные рынки склонны пожинать быструю прибыль, избегая таким образом длительного простоя средств в расходах на НИОКР. Государство, особенно в странах с развитой экономикой, не стеснено подобными опасениями и играет ключевую роль в заполнении пустот, создаваемых рынками. При этом государство выходит за рамки назначенной ему стандартной роли как средства устранения сбоя рынка и становится создателем рынка, отдавая приоритет коммерциализации новых технологий. Маццукато указывает на то, что вовсе не частные субъекты или рынки, а именно *предпринимательское государство* создает принципиальные технологические новшества, устанавливая горизонты в развитии технологий и продуктивно организуя научные, технологические и производственные сообщества для приближения к этим горизонтам или для их достижения.

системе политическая власть полностью перейдет к людям, у которых отсутствуют мотивы для передачи власти правому демагогу.

Заключительный комментарий

Через двести лет после рождения Карла Маркса его идеи по-прежнему обеспечивают тот единственный метод анализа человеческого общества, который служит для объяснения истоков основных проблем, с которыми мы сталкиваемся, а также для определения путей их решения. Марксизм предлагает мощную методологию социального анализа. Его концепция экономической системы неразрывно связана с политическими и культурными сторонами общественного развития. Его концепция социальной системы эволюционирует в реальном времени под действием внутренних и внешних факторов. Его анализ капитализма раскрывает основные законы капиталистического развития. Наконец, марксизм обещает лучшее будущее, по сравнению с тем, что смог обеспечить капитализм; будущее, основанное на сотрудничестве, солидарности, мире во всем мире и экологической устойчивости.

позиции работодателей. В те периоды, когда большая часть рабочего класса оказывается экономически незащищенной (как, например, сейчас), белые работающие мужчины чаще поддаются влиянию ретроградных расовых, этнических и гендерных представлений.

При капитализме борьба за создание единой рабочей оппозиции ко всем формам угнетения и неравенства является наиболее эффективным способом борьбы с этими явлениями. Такая борьба, вероятно, будет более эффективной при социал-демократической форме капитализма, которая может обеспечить полную занятость и доступ к достойной работе для всех. Хотя социализм/коммунизм сам по себе не гарантирует устранения вышеупомянутых форм неравенства, он представляет собой систему, которая не воспроизводит их в силу своего базового устройства.

4) Угроза авторитарного правого национализма.

История показывает, что авторитарный правый национализм возникает в периоды длительного экономического застоя – явления, которое капиталистический строй периодически воспроизводит. В 30-е годы тяжелая депрессия, за которой последовал длительный застой, породила фашистские режимы, ставшие крайней разновидностью авторитарного правого национализма. В 2008 году капитализм вновь породил серьезную рецессию, за которой последовал длительный застой. Мы вновь стали свидетелями распространения репрессивных и агрессивных в военном отношении режимов.

Единственный способ победить эту ретроградную тенденцию капитализма – перейти к новой социал-демократической форме капитализма. В современных условиях «зеленая социал-демократия», которая в состоянии серьезно перестроить экономическую инфраструктуру, могла бы обеспечить создание большого количества качественных рабочих мест, в то же время поставив экономику на рельсы экологической устойчивости.

Однако пока капитализм жив, он будет то и дело порождать экономические кризисы и периоды застоя, что, в свою очередь, будет способствовать росту авторитарного правого национализма с его ложным посылом о том, что правление сильного человека решит все проблемы. Устранение этого опасного явления в долгосрочной перспективе требует перехода к полностью социалистической/коммунистической системе во всем мире. В такой

Теория социальных структур накопления (ССН), технологические изменения и государство

В то время как анализ накопления с точки зрения теории капитала является мощным способом выявления противоречивой и нестабильной природы накопления, необходимо выйти за эти рамки и признать тот факт, что экономика и следовательно, процесс накопления встроены в более широкое общество в рамках исторически сложившихся институтов. Теория ССН утверждает, что накопление происходит не механическим образом, оно нуждается в гармоничном и длительном сочетании институтов (норм или поведенческих моделей) и доминирующих идей (Гордон, Эдвардс и Райх 1994; Д.М. Коц и Вульфсон 2010; Боулз, Гордон и Вайскопф 1990)¹¹. ССН стратегически конституируется в значительной степени под структурным влиянием равновесия сил между капиталом и рабочей силой для способствования получению прибыли и накоплению капитала, обеспечивая высокую норму прибыли и увеличивая общий спрос, а также создавая предсказуемость и стабильность, что стимулирует долгосрочные инвестиции (Коц 2018). В то время как каждая ССН служит для поддержания высокой нормы прибыли и стабильного накопления в течение длительного периода времени, помогая при этом воспроизводить накопление капитала в расширенном масштабе путем управления его противоречиями и регулирования их, в конечном итоге ряд противоречий начинает угрожать ее способности выполнять свою роль, что провоцирует разворачивание структурного кризиса ССН и появление условий для новой ССН. Можно утверждать, что данное преобразование представляет собой *институциональное решение* для противоречий в накоплении капитала и для противоречий прежней ССН.

¹¹ Теоретически сходные подходы к теории ССН включают в себя Парижский подход к регулированию (ППР) и другие регуляционистские программы исследований, разработанные в Западной Европе (Джессоп 1990).

Два важных положения о взаимосвязи между государством и ССН вытекают из самой недавней формулировки теории ССН (Коц и Вульфсон 2010). Хотя способ, благодаря которому происходит стабилизация противоречия между капиталом и трудом, формирует основные очертания типа ССН (либеральной или регулируемой), он также отражается в роли государства в экономике, усиливая когерентность ССН. Как утверждают авторы, государство – самая важная сущность, посредством которой класс или сегмент класса может осуществлять власть по различным направлениям. В конце концов, государство имеет право на законное использование принуждения, что оно и делает, чаще всего путем принятия и обеспечения соблюдения законов и правил, [причем] существует историческая связь между расширением государственного регулирования капиталистических экономик и увеличением прав и полномочий рабочего класса. Периоды, в которые усиливалось влияние рабочего класса, показали, что это влияние в значительной степени воплощено в расширенном государственном регулировании экономики. Периоды, в которые капитал мог более полно утверждать свое господство, отмечены сокращением или отменой государственных законов и программ, приносящих пользу трудящимся и ограничивающих «свободу» действий капитала (там же, 82-83).

Таким образом, государство, благодаря своей способности осуществлять принуждение с помощью законов и нормативных актов, по отношению к экономике может играть диаметрально противоположные роли в зависимости от соотношения сил между капиталом и трудом. Тем не менее, следует отметить, что в центре внимания находится та часть государства, которая отражает баланс сил по таким вопросам, как условия труда, заработная плата (в частном секторе через минимальную заработную плату и государственный сектор) и социальная заработная плата, проведение фискальной и денежно-кредитной политики в соответствии с приоритетами (полная занятость или инфляция) и общая правовая и нормативная позиция по противоречию между капиталом и трудом.

Во-вторых, по мере того, как стабилизация противоречий (между капиталом и трудом, капиталом и капиталом, трудом и трудом) через регулирующую ССН походит к концу таким образом, что она перестает поддерживать извлечение прибыли капиталистами

богатства и экономической, политической и культурной власти в руках все менее и менее многочисленной группы сверхбогатых.

Степень неравенства при капитализме может быть уменьшена посредством его социал-демократического реформирования. При таком реструктурированном капитализме трудящимся предоставляется больший объем властных полномочий и происходит сокращение неравенства. Однако социал-демократическая форма капитализма возникает только тогда, когда рабочий класс и его союзники могут навязать ее капиталу. В конечном счете капиталисты принимают меры по противодействию социал-демократическому реформированию капитализма, как это произошло в 1970-х годах. В долгосрочной перспективе, построить стабильное эгалитарное общество можно лишь путем замены капитализма социализмом/коммунизмом, т.е. общественной формацией, при которой не будет богатого класса.

2) Глобальное изменение климата.

Глобальное изменение климата – угроза для мировых цивилизаций. Основной его причиной является безудержное стремление к прибыли при капитализме. Капиталист всегда может увеличивать прибыль, используя природную среду в качестве бесплатного источника ресурсов и бесплатной системы удаления отходов.

Непосредственное устранение данной угрозы требует борьбы за эффективное государственное регулирование капиталистического производства, источников энергии и транспортной системы с целью достижения быстрого сокращения выбросов парниковых газов. Однако долгосрочная цель построения экологически устойчивой экономики требует перехода от капитализма к системе, в которой производство предназначено для использования, а не для извлечения прибыли. При такой системе не будет могущественных классов, заинтересованных в причинении ущерба окружающей среде.

3) Постоянное неравенство по расовому, этническому и гендерному признакам.

Каждая из этих форм неравенства имеет свои особые источники, но при этом постоянно усиливается благодаря самому устройству капиталистической системы. Переговорная сила рабочего класса подрывается существующими в его среде разногласиями на почве вышеупомянутых признаков, которые лишь укрепляют

захватнические войны и разрушения в результате соперничества между империями.

6) Теория государства.

Несмотря на рост и в конце концов преобладание парламентской демократии в эпоху капитализма, класс капиталистов является в капиталистическом обществе правящим классом, создающим препятствия для полноценной демократии. Класс капиталистов занимает господствующие позиции в экономике, государстве и сфере культуры.

7) Роль классовой борьбы.

Эксплуатация и другие формы угнетения порождают сопротивление. Марксистская теория описывает не устойчивое господство, а господство в конечном счете нестабильное. Эксплуатируемые и угнетенные сопротивляются и могут свергнуть своих угнетателей.

8) Социализм/коммунизм.

Маркс указал на долгосрочное решение проблем капитализма путем перехода к социализму/коммунизму. С течением времени противоречия капитализма и борьба его жертв приводят к переходу к социализму/коммунизму. В конечном итоге эксплуатация будет устранена благодаря выходу за пределы классового общества. Социализм/коммунизм не решит всех проблем, но создаст общество, в котором в свое время появится возможность эффективного решения всех социальных проблем.

Марксизм и проблемы современности

Идеи Маркса дают возможность прояснить корни основных проблем современности и указать пути к их решению. Здесь я рассмотрю четыре основные проблемы.

1) Новый позолоченный век.

Речь идет о возникновении общества крайнего неравенства. Марксистский анализ эволюции капитализма с 1970-х годов показывает, как неолиберальная трансформация капитализма усилила капитал и ослабила рабочий класс. Все институты неолиберального капитализма дают подобный эффект, включающий в себя приватизацию, дерегулирование, маркетизацию, глобализацию и финансиализацию. Происходит рост концентрации

и обеспечивать стабильность и предсказуемость для накопления капитала, она претерпевает многоплановую трансформацию; история показывает, что трансформация ССН происходит поочередно от одного типа к другому: от либерального к регулируемому, затем к либеральному и так далее. Однако это чередование, скажем, от регулируемого к либеральному, не означает, что присутствие государства как воплощенного отражения в обществе возросшего влияния рабочего класса по отношению к капиталу переносится в ту отправную точку, где оно находилось в предыдущей либеральной ССН:

... при капитализме имеет место долгосрочная тенденция увеличения размера государства по отношению к экономике и расширения экономической роли государства. Следовательно, при либеральных ССН, которые появились в более поздние исторические периоды, государство играло большую роль, чем при более ранних либеральных ССН. В то время как каждая новая либеральная ССН уменьшала степень государственного регулирования экономики, эти уменьшения не привели к возврату той роли государства, которую оно играло при более ранних ССН (там же, 85).

Хотя теория ССН справедливо указывает на необходимость институциональных и идеологических рамок для того, чтобы капиталисты могли стабильно инвестировать в течение длительного периода времени, она все же предполагает, а не объясняет возникновение и создание технических знаний и соответствующей рабочей силы. Безусловно, определенная ССН создает благоприятную социальную среду, в которой от капиталистов ожидается, что они будут разрабатывать или приобретать технологии и обучать или отыскивать таких работников, которые, в свою очередь, будут производить товары, обладающие меновой и потребительной стоимостью. Могут ли они делать это самостоятельно, даже находясь в стабильной и предсказуемой среде, обеспечиваемой ССН? Идея о том, что лишь конкуренция между отдельными капиталами или жажда прибыли у капиталистов ведет к производству инвестиционных товаров и новых продуктов, ничем не оправдана. Действительно, что оба этих стимула, пока они существуют, являются важной движущей силой производства технологий. Тем не менее, экономическая история и исследования

вне рамок мейнстрима показывают нам, что государство играет жизненно важную роль в создании новых технологий. Государство, свободное от близоруких индивидуальных интересов и жадности прибыли, даже если оно ограничено в финансовом отношении, в соответствии с логикой, которую необходимо тщательно проанализировать, может определить внешние границы будущих технологических возможностей, установив горизонт достижений, и объединить человеческие и материальные ресурсы в необходимых и зачастую довольно больших объемах (путем финансирования фундаментальных и перспективных исследований и привлечения компетентных ученых и инженеров, зачастую вкладывая средства в качество образования в области естественных наук)¹². Таким образом, создание технологий и обучение или подготовка работников происходит в более развитой институциональной матрице, в которую помимо капиталистов, движимых перспективами получения прибыли, вовлечены и *продуктивные аппараты государства* с различной логикой устройства.

Продуктивные госаппараты (ПГА)

К настоящему времени должно быть ясно, что в теории ССН понятие государства включает в себя функции, касающиеся условий труда и распределения, осуществляемые посредством законов, нормативных актов и политик, подкрепляемых монопольным правом государства на насилие. Хотя теория ССН дает нам много пищи для осмысления эволюции капитализма и состояния современного капитализма, она упускает из виду роль государства в создании и поддержании благоприятных условий для развития основных технологических возможностей (например, инноваций) и в содействии им, а также влияние этой важнейшей роли на динамику занятости в послевоенный период. Я предлагаю концепцию *продуктивных госаппаратов* для обозначения всего подмножества

¹² Социалистический опыт двадцатого века также является эмпирическим доказательством данного аргумента, несмотря на все недостатки общей социально-экономической системы. Не прибегая к рыночной экономике, социалистические государства добились создания самых разных технологий.

Отношения между капиталом и трудом являются одним из проявлений неравенства переговорных сил. Богатство, которое накапливается у капиталистов, происходит от способности капитала изымать часть того, что производят рабочие. Эти отношения основываются на наличии безработицы («резервной армии труда» по Марксу), которая подрывает переговорные возможности рабочих. Кроме того, расовые, этнические и гендерные разногласия в среде рабочего класса подрывают возможности рабочих по ведению переговоров. Эксплуатация труда является центральной чертой капитализма, несмотря на, казалось бы, равные и добровольные отношения обмена, которые характеризуют рыночную экономику. Степень эксплуатации и неравенства может со временем меняться по мере изменения относительной переговорной силы труда.

3) Направление экономического и социального развития определяется не «индивидуальными предпочтениями», а стремлением капиталистов к получению прибыли.

Капиталисты и их классовые интересы доминируют над структурой и направлением изменений в обществе.

4) Теория накопления.

Стремление к прибыли наряду с конкуренцией между капиталистами приводит к появлению мощных стимулов для накопления. Это ведет к постоянному росту производства товаров, независимо от потребности человека в увеличении объема выпуска товаров, что немаловажно для сохранения экологической устойчивости.

5) Капитализм порождает империализм.

Империализм в эпоху капитализма порождается стремлением капиталистов контролировать природные ресурсы, экспортировать товары и находить объекты для инвестирования капитала. Эту теорию разработали последователи марксизма, в частности Рудольф Гильфердинг и В.И. Ленин. Приверженцы неоклассической теории экономики утверждали, что империализм в масштабе страны не окупается, поскольку затраты на содержание империи превышают экономические выгоды. Тем не менее, он окупается для класса капиталистов, который получает большую часть выгод, в то время как рабочий класс оплачивает большую часть расходов своей кровью и производимыми благами. Империализм является главной негативной чертой капитализма, потому что он порождает

согласно доминирующей неоклассической теории. Империалистическая война? – экономически бессмысленна, ведь свободная торговля пойдет на пользу всем нациям. Социальный патриархат? – считалось, что это за пределами экономической сферы. Неравенство сил? – но этого не может быть при рыночной экономике.

Мы искали другой подход. Мы со скепсисом относились к Марксу, читая «Капитал» и другие работы. Но многие из нас обнаружили, что идеи Маркса и их дальнейшее развитие после Маркса представляют собой лучшую основу для понимания мира, а также для поиска средств его изменения.

Данный подход все еще актуален спустя пятьдесят лет после 1968 года. Сегодня в обществе существуют серьезные проблемы. Мы живем в новом «позолоченном веке», в котором меньшинство стало сверхбогатым на фоне постоянно ухудшающихся условий, в которых живет большинство населения. Растет концентрация экономической, политической и культурной власти. Мир столкнулся с угрозой глобального изменения климата. Сохраняется неравенство по признаку расы, этнической принадлежности и пола. Растет угроза авторитарного правого национализма с его призывами к авторитарному государству, поиску виноватых, ура-патриотизму, поддержке ретроградной социальной политики восстановления социального патриархата и расово-этнической иерархии и агрессивного милитаризма. Идеи Маркса остаются единственной основой для понимания этих событий и для прокладки путей по другим направлениям.

Идеи Маркса

К наиболее актуальным и важным идеям Маркса сегодня относятся следующие:

1) Рыночные отношения являются лишь одним из аспектов капитализма.

Другим ключевым аспектом являются классовые отношения. Классовая связь между капиталом и трудом является центральной чертой капитализма.

2) Объяснение существования неравенства сил в условиях рыночной экономики.

государственных аппаратов, которые распределяют свои ресурсы и осуществляют свои полномочия, в частности, для поддержки создания и развития важнейших технологий. Кроме того, я утверждаю, что государство как таковое поддерживает накопление капитала, предоставляя *технологическое решение*. При таком взгляде на вещи следует уделить должное внимание государственным мероприятиям в связи с их ролью в формировании, согласованности и реформировании ССН.

Постоянство роли государства в продвижении крупных технологических достижений посредством выхода далеко за рамки предоставления стимулов для фирм согласуется с теорией ССН. В конце концов, в каждой ССН государство по своей сути подчиняется капиталистической логике, которая выбирает и допускает лишь те действия государства, которые благоприятны для получения прибыли и накопления капитала. В то время как защита прав частной собственности и применение монопольного права на насилие помогают защитить владельцев богатств и подавляют сопротивление подчиненного класса существующему порядку, деятельность государства, казалось бы являющегося государством развития (в трактовке Блока), по созданию технических знаний и их последующей коммерциализации цементирует фундамент капитализма, который представляет собой не что иное, как обобщенную товарную экономику (каждый товар воплощает в себе не только труд, но и знания). Более того, в условиях международной конкуренции государственный потенциал в этой области становится жизненно важным для защиты и пролонгации валоризации национального/отечественного капитала. Однако, как утверждает теория ССН, государство также является отражением организованного влияния трудящегося класса в форме расширенного регулирования экономики, направленного на недопущение коммодификации труда и ограничение стремления капитала к как можно более свободному обращению и движению. В сочетании с растущей поддержкой в обществе идей, способствующих государственному регулированию и вмешательству, что отчасти есть проявление роста влияния трудящегося класса, у государства имеется еще одна причина и оправдание для продолжения своей деятельности по содействию инновациям. Как утверждают Коц и Вульфсон (2010), есть основания ожидать, что регулируемая ССН

превзойдет либеральную ССН по темпам накопления капитала и темпам роста. Следующие проблемы чаще встречаются при либеральной ССН, чем при регулируемой: недостаточный совокупный спрос; макроэкономическая нестабильность из-за отказа от антициклической политики в области бюджетных затрат и налогообложения, сокращение программ социального обеспечения и дерегулирование финансового сектора при повышенной уязвимости к крупным финансовым кризисам; рост интереса к краткосрочным, а не долгосрочным, инвестиционным стратегиям из-за жесткой конкуренции среди корпоративных менеджеров; направление инвестируемых средств в большей мере на спекулятивную деятельность, чем на долгосрочные инвестиционные проекты (87-88)¹³.

Заключительные замечания

В данную работу я попытался включить положения о той вспомогательной роли, которую так называемые продуктивные госаппараты (ПГА) играют в появлении важнейших технологических инноваций, которые, в свою очередь, поддерживают накопление капитала, стимулируя согласованное функционирование ССН. Я также ставлю проблему возникновения технологических изменений как производства технических знаний в духе теории ССН, созданной для объяснения феномена успешного накопления капитала, несмотря на противоречивость его природы и среды существования. Я утверждаю, что та же мотивация к получению прибыли, что стимулирует накопление капитала, одновременно является причиной существования тенденции недопроизводства технических знаний, с помощью которых можно было бы добиться значительного роста технологического

¹³ Более того, неолиберальные ССН вобрали в себя так называемую финансиализацию, которая связана с портфельным подходом к нефинансовым корпорациям (НФК) при стремлении нетерпеливого капитала к извлечению быстрой прибыли, а также со значительным расхождением в величинах удержанной НФК прибыли и полученной прибыли, когда разница хлынула на финансовые рынки (и, возможно, на потребление предметов роскоши богатыми) в виде доходов от процентов и дивидендов (Кротти 2003; Думенил и Леви 2004).

**Дэвид М. Коц,
Массачусетский университет в Амхерсте
и Шанхайский университет финансов и экономики**

**Маркс 200 лет спустя:
Потенциал для анализа проблем XXI века**

Введение

Идеи Маркса стали влиятельными среди аспирантов-экономистов в США в конце 1960-х – начале 1970-х годов, как раз когда я сам был аспирантом. «Капитал» Маркса, особенно том I, играл здесь ключевую роль. На занятиях и в учебниках экономики аспирантов обучали неоклассическому кейнсианскому синтезу, который тогда был доминирующей парадигмой в экономике. Капиталистическая экономика (называемая рыночной) считалась наилучшей возможной системой. Однако нас также учили, что при капитализме есть запрос на изменения, включая активное государственное управление совокупным спросом, прогрессивный подоходный налог, профсоюзы, антимонопольное законодательство, государственное регулирование в некоторых отраслях и государство всеобщего благосостояния.

Многие из аспирантов моего поколения активно участвовали в прогрессистских движениях того времени: по гражданским правам, против войны, за феминизм, против ядерного оружия. Мы находили серьезные огрехи в американском обществе и в мировой системе в целом: расовое неравенство, войны, империализм, социальный патриархат. Как аспиранты-экономисты и представители младшего преподавательского состава мы делали вывод, что доминирующая парадигма, кажется, не соответствует окружающей нас действительности. Мы подозревали, что беды, против которых мы протестовали, были каким-то образом связаны с экономической системой.

Тем не менее, доминирующие теории не могли сказать ничего полезного о проблемах, которые нас беспокоили. Расовая дискриминация? – конкурентные рыночные силы устранят ее

Lange, Oscar. 1938. *On the Economic Theory of Socialism*. With Fred M. Taylor.

Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota Press, 1938.

Lazou, George Yeats. 2014. "Wikibudgeting." *URPE Newsletter* (Summer), 10-13. Nove, Alec. 1983. *The Economics of Feasible Socialism*. London: Allen & Unwin. Pickersgill, Gary M., and Joyce E. Pickersgill. 1974. *Contemporary Economic Systems: A*

Comparative View. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Roemer, John. 1994. *A Future for Socialism*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Schweickart, David. 1996. *Against Capitalism*. Boulder, Colorado: Westview Press.

Weisskopf, Thomas. 1992. "Toward a Socialism for the Future, in the Wake of the Demise of the Socialism of the Past." *Review of Radical Political Economics*, 24 (Fall/Winter), 1-28.

Yang, Jinhai. 2009. "The Historical Significance of the Combination of Socialism and the Market Economy." *Science & Society*, 73:2 (April), 170-176.

потенциала. Выдвигая данный аргумент, я вовсе не упускаю из вида стремление капиталистов финансировать производство технических знаний. Однако было бы серьезной ошибкой пренебрегать тем фактом, что стремление к прибыли имеет свои границы, а также компенсирующей функцией внеэкономических институтов (то есть ПГА) по заполнению пробелов, создаваемых капиталистами в области технологических изменений. Попутно я высказываю теоретические соображения касательно изменения способов функционирования ПГА при смене одного типа ССН другим. Я утверждаю, что ПГА обладают большим потенциалом для поддержки технологических изменений при регулируемой ССН, чем при либеральной ССН. Тем не менее, характер ПГА усложняет эту динамику до такой степени, что, невзирая на тип ССН ведомства, связанные с безопасностью и обороной, могут иметь различную степень влияния в зависимости от геополитических событий.

Необходимы дальнейшие исследования, чтобы ответить на ряд интересующих нас вопросов о связи между ПГА и ССН. Какие именно мотивы, явные/юридические и неявные обязательства и логика, играющие роль в формировании институтов и ведомств, являющихся частью государственного аппарата, существуют в отношении инноваций, впоследствии превращающихся в коммерческие и общественные продукты и участвующих в процессах капиталистического накопления? Как меняются роли при превращении одной ССН в другую? Имеются ли у ССН идентифицируемые и чередующиеся закономерности? В частности, каким образом государство способствовало важнейшим инновациям в послевоенный период? Как изменилась роль государства при неолиберализме?

Литература

Albert, Michael, and Robin Hahnel. 1991. *The Political Economy of Participatory Economics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

_____. 2002. "In Defense of Participatory Economics." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 7-21.

Campbell, Donald. 1995. *Incentives: Motivation and the Economics of Information*. New York: Cambridge University Press.

Cockshott, Paul, and Allin Cottrell. 1993. *Towards a New Socialism*. Nottingham, England: Spokesman Books.

_____. 2002. "The Relation Between Economic and Political Instances in the Communist Mode of Production." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 50-64.

_____. 2012. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).

Devine, Pat. 1988. *Democracy and Economic Planning*. Cambridge, England: Polity Press; Boulder, Colorado: Westview Press.

_____. 2002. "Participatory Planning Through Negotiated Coordination." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 72-85.

_____. 2012. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).

Ellman, Michael. 1973. *Planning Problems in the USSR*. New York: Cambridge University Press.

_____. 1979. *Socialist Planning*. London: Cambridge University Press.

Hahnel, Robin. 2012a. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).

_____. 2012b. *Of the People, By the People: The Case for a Participatory Economy*. Oakland, California: Soapbox Press (distributed by AK Press).

_____. 2014. "Response to David Laibman's 'Appraisal of the Participatory Economy'." *Science & Society*, 78:3 (July), 379-389.

Hayek, Friedrich A. 1944. *The Road to Serfdom*. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.

_____. 1945. "The Price System as a Mechanism for Using Knowledge." *American Economic Review*, XXXV:4 (September), 519-530.

Hurwicz, Leonid. 1972. "On Informationally Decentralized Systems." Pp. 297-336 in C. B. McGuire and R. Radner, eds., *Decision and Organization*. Amsterdam: North-Holland.

Jablonowski, Mark. 2011. "Markets on a (Computer) Chip? New Perspectives on Economic Calculation." *Science & Society*, 75:3 (July), 400-418.

Kantorovich, L. V. 1965. *The Best Use of Economic Resources*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Keeran, Roger, and Thomas Kenny. 2004. *Socialism Betrayed: Behind the Soviet Collapse*. New York: International Publishers.

Khudokormov, G. N., gen. ed. 1967. *Political Economy of Socialism*. Moscow: Progress Publishers.

Laibman, David. 1992. *Value, Technical Change and Crisis: Explorations in Marxist Economic Theory*. Armonk, New York: M. E. Sharpe.

_____. 2001. "Contours of the Maturing Socialist Economy." *Historical Materialism*, Vol. 9, 85-110.

_____. 2002. "Democratic Coordination: Towards a Working Socialism for the New Century." *Science & Society*, 66:1 (Spring), 116-129.

_____. 2005. "The Soviet Demise: Revisionist Betrayal, Structural Defect, or Authoritarian Distortion?" *Science & Society*, 69:4 (October), 594-606.

_____. 2007. *Deep History: A Study in Social Development and Human Potential*. Albany, New York: State University of New York Press.

_____. 2011. "Incentive Design, Iterative Planning, and Local Knowledge in a Maturing Socialist Economy." *International Critical Thought*, 1:1 (March), 1-22.

_____. 2012a. *Political Economy After Economics: Scientific Method and Radical Imagination*. London: Routledge.

_____. 2012b. Discussion participant, Special Issue, "Designing Socialism: Visions, Projections, Models." *Science & Society*, 76:2 (April).

_____. 2014a. "Horizontalism and Idealism in Socialist Imagination: An Appraisal of the Participatory Economy." *Science & Society*, 78:2 (April), 207-234.

_____. 2014b. "The Participatory Economy: A Preliminary Rejoinder." *Science & Society*, 78:4 (October), 513-520.